

Элоиза Джеймс Обретая любовь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17086075
Э. Джеймс. Обретая любовь: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-088291-5

Аннотация

Четырнадцать лет назад молодой аристократ Гриффин Берри, выпив лишнего после неудачной брачной ночи, оказался в руках вербовщиков – и очнулся на пиратском корабле...

Теперь Гриффин настоящий мужчина и один из самых прославленных каперских капитанов в Южных морях. Однако его по-прежнему терзают воспоминания о покинутой жене Поппи. Где она? Забыла его – или любит по-прежнему? Возможно, еще не поздно начать все сначала?..

Колин, приемный сын Гриффина, с колыбели грезил морем – и даже не замечал любви своей подруги детства, очаровательной Грейс Рейберн. И наконец его мечта стала явью – юноша поступает служить на флот, его ожидают блестящая карьера и океанские просторы.

Однако забудет ли Колин в бесконечных странствиях Грейс? Или со временем поймет, что на берегу его ждет единственное, настоящее счастье? Но... не поздно ли придет к нему прозрение?

Содержание

Соблазненная пиратом	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Элоиза Джеймс Обретая любовь

Eloisa James
As you wish

© Eloisa James, 2013

© Перевод. И. В. Соколов, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Соблазненная пиратом

Глава 1

30 мая 1816 года

Беркли-сквер, 45

Лондонская резиденция герцога Ашбрука

Будучи мальчишкой, Гриффин Берри, единственный наследник виконта Монкриффа, не имел ни малейшего интереса к истории цивилизованной Англии. Он грезил о Британии давних времен, когда все мужчины были воителями и по побережьям хозяйничали викинги, представляя себя у кормила древнего парусника со свирепыми татуировками, как у античного шотландского воина.

Уже в восемнадцать он стал пиратом, а в двадцать два командовал собственным кораблем, которому дал имя «Летучий Мак». И пару лет спустя один только вид черного флага с кроваво-красным цветком ввергал в трепет матерых морских волков.

Никто и не догадывался, что свой корабль Гриффин назвал в честь жены, которую звали Поппи¹. Также в ее честь он сделал у себя на щеке татуировку в виде макового цветка, хотя провел с ней всего лишь день и, говоря официальным языком, так и не консумировал брак.

И тем не менее он всегда испытывал определенное удовлетворение по поводу этого, пусть и незначительного, знака почтения к супруге. За годы, проведенные в море, Гриффин выработал собственный кодекс чести. Он никогда никому не стрелял в спину, никого не заставлял шагать по доске за борт и не позволял себе насильственных действий по отношению к женщинам. Более того, он быстро избавлялся от тех членов экипажа, которые полагали, будто грозная слава «Летучего Мака» дает им вольность потворствовать своим низменным наклонностям.

Следует, однако, отметить, что, согласно королевской амнистии, дарованной недавно ему и его кузену Джеймсу, герцогу Ашбруку, они определялись не как пираты, а как каперы.

Гриффин, конечно, понимал, что различие здесь незначительное. Хотя, по правде, последние семь лет они с Джеймсом ограничивались лишь нападением на пиратские и работорговые корабли, не трогая суда законопослушных коммерсантов. Но, в сущности, он как был, так и оставался пиратом. И теперь, вернувшись в Англию, не собирался притворяться, будто все это время рыскал по свету в напудренном парике и выплясывал кадрили на балах в заморских странах.

С другой стороны, Гриффин ничуть не сомневался, что его жена, которую он едва помнил, совсем не обрадуется, узнав, что она замужем за пиратом. Или пускай даже за капером.

Как на это ни смотри, он мало походил на джентльмена со своей хромотой и татуировкой, имея за плечами полтора десятка лет, проведенных в море. И, конечно же, ничем не напоминал того юного добропорядочного баронета, за которого Поппи была сосватана своим папашей.

Ему совсем не нравилась идея ввалиться в незнакомый дом где-нибудь в окрестностях Бата (он не имел ни малейшего представления, где именно проживает его жена) и заявить, что он является пропавшим мужем леди Берри. При этой мысли с губ Гриффина невольно

---

¹ Имя Поппи является омонимом английского слова *porru* – «мак». – *Здесь и далее примеч. пер.*

сорвалась пара ругательств. Он даже ощутил нечто похожее на страх, хотя подобные эмоции не посещали его даже в разгар жесточайших морских сражений.

В тех битвах они с Джеймсом сражались вместе, плечом к плечу. Им многое пришлось повидать. И возможно, именно поэтому Гриффин предложил ему совершенно неразумное, не подобающее джентльмену пари, которое наверняка ужаснуло бы его уважаемого отца.

– Давай поспорим, кто из нас быстрее затащит в постель свою жену.

Джеймса, судя по виду, не особенно шокировало такое предложение, но он все же не преминул заметить:

– Это не в духе истинных джентльменов.

– Да ладно, – усмехнулся Гриффин. – Нам с тобой уже поздно претендовать на этот статус. Ты можешь сколько угодно изображать из себя герцога, но что касается джентльменства... Нет, ты не джентльмен.

Судя по ухмылке, играющей на губах Джеймса, он склонялся к тому, чтобы принять брошенный вызов. Вот только неизвестно, кому из них придется столкнуться с наибольшими трудностями. Гриффин не мог вспомнить лица своей жены, но, по крайней мере, поддерживал ее финансово во время своего отсутствия. А супруга Джеймса уже собиралась официально объявить его мертвым, поскольку тот не давал о себе знать в течение семи лет.

– Если я соглашусь на это пари, – проговорил Джеймс, – тебе придется отправиться в Бат, где у тебя с супругой состоится вряд ли легкий разговор.

Разговаривать с Поппи?.. Гриффин не испытывал большого интереса к каким-либо разговорам с ней.

Четырнадцать лет назад он покинул очаровательную юную девушку... И в силу определенных обстоятельств, о которых ему не хотелось вспоминать даже сейчас, он оставил ее девственницей. Нетронутый, неудовлетворенный...

Нет, у него не было ни малейшего желания разговаривать со своей женой.

Но это все же придется сделать. И было бы гораздо легче, если бы ему не воткнули в ногу нож. А так, предстать перед Поппи калекой...

После того как Джеймс вышел, Гриффин еще раз прошелся по комнате, чтобы размять ногу, затем остановился у окна, выходящего на небольшой парк, прилегающий к городскому дому кузена. Главная аллея была полна зевак и газетчиков, пронюхавших о том, что вернувшийся герцог промышлял пиратством. Они наверняка будут ошиваться здесь еще не меньше недели, реагируя на каждое мимолетное появление Джеймса или его несчастной жены.

Когда Гриффин отвернулся от окна, в комнату как раз вошел его ординарец по прозвищу Акула.

– Пакуй наш скарб, Акула. Нам надо как-то ускользнуть от этой своры. Они, наверно, пасутся и у парадного входа?

– Да, – отозвался Акула, направившись к платяному шкафу. – Дворецкий говорит, что там их целая толпа. Нужно сваливать, пока они не выломали двери.

– Ну до этого дело не дойдет.

– Кто знает... – ухмыльнулся Акула, отчего татуировка под его правым глазом слегка перекосилась. – Похоже, весь Лондон только и говорит что о герцоге-пирате. По словам того же дворецкого, подобного ажиотажа не было с тех пор, как русский царь нанес визит нашему королю.

В ответ Гриффин лишь выругался.

– Все в доме переживают, потому что еще неизвестно, останется герцогиня с герцогом или нет. – Акула покачал головой. – Любая леди была бы ошарашена, узнав, что она замужем за пиратом. Ведь она, похоже, полагала, что он давно упокоился на глубине пяти саженей и уже никогда не объявится. Внизу говорят, что она рухнула в обморок, как только увидела

его. Не удивлюсь, если с вашей женушкой случится то же самое. А может, она просто забаррикадирует дверь. В конце концов, вы пропадали подольше герцога.

– Захлопни пасть! – рыкнул Гриффин. – Позови лучше кого-нибудь помочь тебе с вещами, чтобы мы могли как можно скорее убраться отсюда.

Взяв трость, он двинулся к двери, но на секунду остановился, чтобы взбодрить себя ударом по бедру. По какой-то причине это способствовало расслаблению мышц, и шагаться становилось легче. Хотя походка прежней все равно не станет.

– Вот это правильно, – одобрительно прогудел ничуть не смутившийся Акула. – Вам нужно во весь опор нестись к своей миссис и самому ей обо всем рассказать, пока она не узнала худшее из газет.

– И вели, чтоб подали карету, – распорядился Гриффин, игнорируя болтовню Акулы. Да, превратить матроса в лакея нелегко. Акула просто не имел представления о соответствующем поведении.

Вскоре Гриффин остановился на пороге библиотеки. За все эти годы они с Джеймсом неоднократно бывали на приеме у короля Сицилии, в его роскошном дворце, и тем не менее Гриффин был впечатлен великолепием данного помещения. Расписанное голубыми и белыми узорами, с тяжелыми шелковыми портьерами на окнах, оно напоминало залы Версаля.

Как ни жаль, Джеймс ни в малейшей степени не соответствовал декору помещения. Он сидел за столом без сюртука, без галстука, в одной рубашке с засученными рукавами. Как и сам Гриффин, он был бронзовым от загара, широкоплечим и мощным, с татуировкой на лице.

– Ну и видок у тебя, – заметил Гриффин, входя в комнату. – Я окончательно тебя испортил, это ясно. Никогда не встречал человека в меньшей степени похожего на аристократа. Вряд ли ты когда-либо обретишь приличествующую герцогу элегантность.

Джеймс лишь хмыкнул, не отрываясь от листа, на котором что-то писал.

– Я только что получил сообщение о том, что бумаги, подтверждающие нашу амнистию, будут доставлены завтра.

– Вышли мои следом, – попросил Гриффин, опираясь на трость. – Я должен нагрнуть к жене прежде, чем она прочтет в газетах о роде моих занятий. Для того, чтобы выиграть наш спор, ты ведь понимаешь. – По правде говоря, ему было немного стыдно за то пари, которое он заключил с Джеймсом. Не следует делать ставки на собственных жен.

Джеймс поднялся и вышел из-за стола. Гриффин годами не обращал внимания на внешний вид кузена, однако обтягивающие панталоны, в которых тот щеголял сейчас, сильно отличались от грубых бриджей, которые они носили на корабле. Каждый мускул на ногах Джеймса четко выделялся, а его нижним конечностям позавидовал бы и портовый грузчик.

– Помнишь тот момент, когда мы встретились в море? – спросил Гриффин. – Твой парик съехал набок, на тебе был расшитый камзол, надетый кое-как. Ты был тощим, как тростинка, с необсохшим молоком на губах. Многих капитанов охватывала паника, когда мои ребята сыпались к ним на борт, но ты держался молодцом.

Джеймс засмеялся.

– Я был чертовски рад, когда обнаружил, что настигнувшими нас пиратами командует мой близкий родственник.

– Черт возьми, как ты сможешь влиться в высшее общество?

– Думаешь, им не понравится моя татуировка? – опять засмеялся Джеймс, ничуть не переживая о будущем. – Если кто-то посмотрит на меня косо, я сразу же укажу на виконта Монкриффа. Возможно, мы с тобой станем зачинателями новой моды.

– Мой отец еще жив, – напомнил Гриффин. – Так что я пока не виконт. – Он подумал присесть, но вовремя вспомнил, что, стоит ему сейчас рухнуть в кресло, подняться потом будет нелегко.

– Его светлость не будет жить вечно. И однажды мы увидим себя старыми, седыми, татуированными, ломающими копыя в палате лордов по поводу какого-нибудь законопроекта.

Гриффин чертыхнулся и направился к двери. Если кузену хочется питать иллюзию, будто возвращение к цивилизованной жизни пройдет легко, пускай веселится. Те дни, когда они были сратниками, бесшабашными собутыльниками и кровными братьями, миновали.

– Братишка, – окликнул Джеймс, двинувшись следом со своей бесподобной грацией. – Когда мы снова увидимся?

Гриффин пожал плечами.

– Возможно, на следующей неделе. Я не уверен, что моя жена впустил меня в дом. А твоя уже объявила, что оставляет тебя. Быть может, нам обоим придется искать новое жилье, не говоря уж о новых супругах.

Джеймс усмехнулся.

– Да ты никак боишься? Капитан «Летучего Мака», гроза семи морей, трепещет перед женой, которую едва знает?

– Забавно получается, – проговорил Гриффин, игнорируя насмешку. – Я был главным в море, а теперь ты герцог, а я всего лишь баронет.

– Вздор... Я был капитаном «Мака II», более совершенного корабля. Так что я всегда был главнее тебя.

Гриффин хлопнул брата по спине, и на некоторое время воцарилась тишина. Мужская дружба – странная штука. Они повсюду были вместе, бок о бок, пренебрегая опасностями, ибо в компании отвага возрастает, а теперь...

– Ее светлость, вероятно, скоро спустится к обеду, – предположил Гриффин, оглядывая кузена с головы до ног. – Тебе следует одеться, как подобает герцогу. Хотя бы в тот сюртук, который тебе пошили в Париже. Сделай ей сюрприз, а то ты выглядишь как дикарь.

– Терпеть не могу...

– Это не важно, – перебил Гриффин. – Светские дамы не выносят неряшливый вид. Акула разговаривал с домашней прислугой. Тебе известно, что твоя жена славится как в Лондоне, так и в Париже своей элегантностью?

– Меня это не удивляет. Она всегда имела манию к подобного рода вещам.

– Поэтому ее светлости вряд ли понравится, если за обеденным столом ты будешь выглядеть, как какой-нибудь садовник. Хотя не понимаю, зачем я тебе пытаюсь помочь? Ведь так я могу проиграть... Хотя, что именно? Мы заключили пари, но при этом не определили ставку.

Джеймс посерьезнел.

– Мы не должны были так поступать.

Их взгляды встретились, выражая обоюдное осознание того, что время прежней бесшабашности и циничности прошло. Они были обязаны придерживаться определенного отношения к своим женам и в какой-то мере уважать их достоинство.

– Уже поздно идти на попятную, – сказал Гриффин, немного повеселев от осознания того, что Джеймс тоже испытывает угрызения совести. – Откровенно говоря, я сомневаюсь, что кто-то из нас победит. Английские леди не склонны иметь дело с пиратами. Мы никогда не затащим их в кровать.

– Я не должен был на это соглашаться.

– Черт... Ты выглядишь как настоящий герцог с такими вот чопорно поджатыми губами. В общем, договор есть договор, ты не можешь отказаться. Пусть это будет нашей последней вульгарной пиратской выходкой.

Джеймс скрипнул зубами.

В этот момент в дверях появилась голова Акулы.

– Милорд, вещи упакованы.

– Ну что ж, до скорого, – проговорил Гриффин. – Желаю удачи.

Некоторое время они с Джеймсом смотрели друг на друга – двое мужчин, вернувшихся на родину, где они были чужими и вряд ли когда-нибудь станут своими.

– Как насчет того, чтобы встретиться на Рождество? – спросил Джеймс, приподняв бровь. – Только не в городе.

Гриффин задумался. Провести рождественские праздники в герцогском поместье – значит признать Джеймса практически родным братом. Так очень быстро дойдет до того, что они станут рассказывать байки о былых временах, когда с риском для жизни выручали друг друга, вместо того чтобы оставить все в прошлом, забыть, как нелепый сон.

Джеймс шевельнул плечом.

– Хотелось бы надеяться, что в будущем меня ждет что-то приятное.

Джеймс не желал становиться герцогом, как и сам Гриффин не хотел быть баронетом и тем более виконтом. Так что здесь они на равных.

– Это подобно тому, как Ясон... или, еще лучше, Минотавр вернулся домой. У меня покалечена нога, ты скрипишь, как несмазанное колесо, и никто не знает, как к нам относиться.

Джеймс хмыкнул.

– Скорее мы подобны Одиссею. У Гомера вроде бы написано, что никто не признал Одиссея, кроме домашнего пса. А вообще мне наплевать на отношение окружающих. Ну так как насчет Рождества?

Гриффин понимал, что, согласившись, поставит себя в позицию герцогского друга – ему придется ездить к нему в гости и стать вхожим в высший аристократический круг, к чему всегда стремился его отец.

Он полагал, что, подавшись в пираты, разрушит амбициозные планы родителя. Но, как видно, у судьбы имелись иные соображения.

– Жаль, что ты стал герцогом, – проговорил Гриффин, прерывая затянувшуюся паузу.

– Я тоже об этом сожалею. – Судя по глазам, Джеймс был абсолютно искренен.

– Ну что ж, давай встретимся на Рождество, – сказал Гриффин, уступая неизбежному. – Вероятно, ты все еще будешь пытаться затащить в кровать свою жену, так что я смогу дать тебе пару советов.

И после крепкого дружеского объятия он вышел, не сказав больше ни слова, ибо в этом не было никакой необходимости.

Теперь ему предстояло встретиться с собственной семьей – с отцом, с женой.

Самое главное – с женой.

Глава 2

2 июня 1816 года

Окрестности города Бат, поместье Арбор-Хаус

– Ты замужем за пиратом?!

Фиби Элеонора Берри, жена сэра Гриффина Берри, едва сдержала улыбку при виде изумления на лице ее подруги Амелии Хауэлл-Барт. Но как бы это ни было забавно, у нее все же слегка кольнуло в груди.

– Насколько мне известно, его светлость занимался пиратством в течение нескольких лет.

– То есть он был самым настоящим пиратом? – Чашка Амелии зависла на полпути к рту. – Как романтично!

Сама Фиби так не считала.

– Пираты заставляют людей шагать за борт по доске, – заметила она. И так резко опустила свою чашку, что та кляцнула о блюде.

Глаза подруги округлились, и чай из ее чашки, которую она поставила на стол, выплеснулся на скатерть.

– По доске?.. Думаешь, твой муж в самом деле...

– По имеющимся сведениям, пираты регулярно спроваживают людей в пучину, не говоря уж об обычном грабеже.

Амелия судорожно сглотнула. И по-видимому, быстро поменяла свое мнение насчет романтических аспектов наличия пиратов среди ближайших соседей. Она была очаровательной миниатюрной дамой с губками, напоминающими бутон розы, и волнистыми каштановыми волосами. И ее муж, мистер Хауэлл-Барт, известный на весь город золотых дел мастер, вряд ли позволил бы ей посещать Арбор-Хаус, если бы узнал, каким образом сэр Гриффин развлекался за пределами родины.

– Имей в виду, – добавила Фиби, – я не общалась с ним много лет, но таково мое предположение. Его деловой партнер явно лгал мне.

– А что он говорил?

– Во время нашей последней встречи он сообщил, что сэр Гриффин занимается экспортом леса из обеих Америк.

Личико Амелии просветлело.

– Возможно, так оно и есть! Мой благоверный как раз сегодня утром рассказывал, что те, кто перевозит дерево из Канады, неплохо зарабатывают. Почему же ты решила, что твой муж – пират, если он сам тебе в этом не признавался?

– Несколько лет назад он написал об этом своему отцу, который счел нужным меня проинформировать. И, судя по всему, сэр Гриффин является настоящей грозой морей.

– О господи, Фиби... А я думала, твой муж просто предпочел жить за границей.

– Так оно и есть. Ты представляешь, какой бы грянул скандал, если бы я публично заявила, что замужем за пиратом? Думаю, для виконта было бы лучше, если бы его сын сгинул в море.

– Все могло быть гораздо хуже, – проговорила Амелия.

– Что же может быть хуже?

– Тебя могло бы угораздить выйти замуж за разбойника с большой дороги.

– Не вижу особой разницы, – пожалала плечами Фиби. – Так или иначе, я замужем за преступником, которого надлежит повесить. Ты понимаешь?.. Или же заточить в тюрьму.

– Его отец этого не допустит. Ты же знаешь, какое у виконта влияние. Поговаривают, лорду Монкриффу может быть даже пожалован графский титул.

– После известия о том, что его сын – пират, этого уже не случится.

– Однако сэр Гриффин и сам является баронетом со всеми вытекающими правами.

Никто не повесит обладателя дворянского титула.

– Еще как повесят.

– Нет, его скорее всего обезглавят.

Фиби аж передернуло.

– Какой ужас...

– Но почему твой муж стал баронетом, если его отец является виконтом, здравствующим и поныне? – наморщив лоб, поинтересовалась Амелия. Будучи женой золотых дел мастера, она не очень-то разбиралась в дворянской табели о рангах.

– Это временный условный титул, – объяснила Фиби. – Мой тесть унаследовал титул баронета наряду с титулом виконта, и его наследник, то есть мой муж, является баронетом вплоть до смерти отца, после чего уже становится виконтом.

Некоторое время Амелия осознавала услышанное. Затем сказала:

– Миссис Кримп была бы вне себя от злорадства, если бы узнала о твоём муже.

– Ей скоро представится возможность позлорадствовать.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что он вернулся, – с унынием произнесла Фиби. – Он уже в Англии. – Протянув подружке газету, она указала на заметку внизу страницы.

– Уже в Англии?.. И еще не уведомил об этом тебя?.. И ты не виделась с ним с момента...

– Со дня нашей свадьбы в восемьсот втором году. Точнее, с нашей первой брачной ночи. То есть четырнадцать лет. И теперь он объявился в Англии без всякого предупреждения.

– Вы, конечно, столько лет прожили отдельно, но он наверняка без промедления нанесет тебе визит, – предположила Амелия, не отрывая взгляда от газеты.

– Вполне вероятно, его бросят в тюрьму прежде, чем у него возникнет такая возможность, – отозвалась Фиби и взглянула на пробежавшую мимо дочь, чьи локоны были рассыпаны по плечам. Опять Маргарет потеряла свою ленточку...

– Ты сообщала ему о детях? – спросила Амелия, поднимая глаза.

– Каким образом? Написав ему письмо и указав на конверте: «Южные моря, до востребования»? Я, конечно, могла передать информацию через его поверенного, но, честно говоря, я полагала, что он никогда уже не вернется. Амелия, что мне делать?

– Вряд ли он имеет право предъявлять какие-то претензии по поводу детей. Он пират, и этим все сказано. Он не имеет твердой почвы под ногами. Кстати, насчет ног... Как ты думаешь, у него может быть деревянная нога? Я слышала о таком. Или же повязка на глазу?

– Это было бы совсем отвратительно! – содрогнулась Фиби.

Амелия отложила газету и закусила губу.

– Да, ситуация у тебя не из легких.

– Еще бы...

– Представить только, твой муж покидает Англию в вашу первую же брачную ночь...

Фиби кивнула.

– ...и теперь, вернувшись, обнаруживает в доме троих детей!

Глава 3

Аластер, младший сын Фиби, с пронзительным визгом пробежал мимо.

– Господин Аластер, ведите себя прилично! – крикнула ему вслед старая няня миссис Макджилликадди, которую все звали просто Нянюшкой. – Он опять потеряет свой подгузник. Где эта чертовка? Наверное, опять дремлет... Лидди! – гаркнула она в сторону ивы, под которой расположилась другая, более юная няня.

Удовлетворенная тем, что девушка хоть и неохотно, но стала подниматься, Нянюшка повернулась к Фиби.

– И что ты намерена сообщить окружающим по поводу такого поворота событий?

После смерти родителей старая няня практически заменила Фиби мать.

– Я не собираюсь никому ничего сообщать.

– Что-то сказать все же необходимо. Тебе также придется строить с ним какие-то отношения. – Поставив чашку на стол, няня поднялась со стула. – Вот ведь неугомонный ребенок! Аластер опять полез в озеро! – Она снова повернулась к Фиби. – Что бы ни случилось в вашу первую брачную ночь, моя девочка, ты должна выкинуть это из головы. Если он, конечно, будет проявлять к тебе интерес. Как ни прискорбно, но он твой муж.

Фиби колебалась, ее так и подмывало рассказать, что произошло той ночью. Но она все же сдержалась, тем более что Нянюшка уже устремилась в сторону озера.

В ту ночь Гриффин был морально раздавлен случившимся. Сама она, проинструктированная матерью, ожидала, что испытает невероятную боль, и была готова все перетерпеть, чтобы стать замужней женщиной в полном смысле этого слова. Но как оказалось, никаких мучительных испытаний переносить не пришлось.

Она никогда не винила его за то, что он выскочил в окно. И поначалу думала, что утром он вернется. Но Гриффин так и не явился. Лишь через несколько дней Фиби призналась своим близким, что новоиспеченный муж сбежал от нее.

Такое обстоятельство было очень унижительным, особенно когда все пришли к выводу, что исчезнувший супруг скорее всего вообще покинул Англию на борту какого-нибудь корабля. А отец даже не пытался ее утешить.

– Я выложил кругленькую сумму за эту вялотекущую голубую кровь! – процедил он сквозь зубы. – Я сполна заплатил за то, чтобы моя дочь стала леди Берри!

– Я остаюсь леди Берри даже при отсутствии у меня под боком сэра Гриффина, – поспешила заметить Фиби.

Мать восприняла случившееся более оптимистично.

– Ей будет даже лучше без этого юного оболтуса, – заявила она. – Он пока слишком молод для нее, я ведь сразу об этом сказала. Мальчишка поболтается по морям, посмотрит на мир и со временем вернется обратно. Вот увидите.

Что же касается произошедшего в первую брачную ночь фиаско, то мать сочла, что здесь Фиби просто повезло. Ни больше, ни меньше.

Однако проблема усугубилась тем, что Гриффин так и не вернулся.

Несколько лет Фиби терялась в догадках, особенно после того, как ей нанес визит некий мистер Петтигру, представившийся доверенным лицом пропавшего мужа и передавший значительную сумму на ведение домашнего хозяйства.

Но потом, после того как во время пожара погибли ее родители и одна из сестер, Фиби практически перестала думать о Гриффине, будучи слишком убитой горем.

А затем, когда период скорби миновал, появились дети.

Насколько помнила Фиби, они с мужем были почти одного роста, и никаких признаков, что он станет выше, не наблюдалось. В спальне им оставили лишь две свечи, но даже при

таким слабым освещении было заметно, что новоиспеченный супруг сильно нервничает. А потом он и вовсе запаниковал, когда его «инструмент» отказался функционировать должным образом.

За все эти годы Фиби неоднократно слышала истории о мужчинах, у которых возникала подобная ситуация. Не далее как на прошлой неделе миссис Кримп рассказала ей об их местном пекаре. Его жена отправилась аж в Пенсфорд, чтобы проконсультироваться с аптекарем по интимному вопросу, но, на ее беду, их разговор подслушала старшая внучка миссис Кримп.

Выслушав все это, Фиби лишь пожала плечами. Данная тема ее мало интересовала, особенно после того, как она обзавелась детьми. Физиологически несостоятельный муж был бы для нее как нельзя кстати. Такой, по крайней мере, не станет докучать приставаниями, когда она устала или не в настроении.

По словам той же миссис Кримп, в настоящее время данная проблема приобрела характер чуть ли не эпидемии. Если это действительно так, то Гриффину, вероятно, будет легче от осознания того, что у него немало товарищей по несчастью.

Впрочем, одно дело – размышлять обо всем этом из года в год и совсем другое – ожидать, что нагулявшийся муженек вот-вот появится на пороге.

Фиби сумела устроить себе вполне комфортную жизнь, обзаведясь подругами, такими как Амелия, на которую Гриффин, вероятно, будет посматривать свысока. Ни один человек из ее ближайшего круга не принадлежал к дворянству, не говоря уж о высшей аристократии.

Что, если у сэра Гриффина возникнет желание отираться в светском обществе Бата? Или, того хуже, отправиться к очередному сезону в Лондон? Мысль об этом вызывала немалое беспокойство.

Хотя, скорее всего, волнения Фиби напрасны. Разве может человек, пусть и благородного происхождения, снова стать вхожим в светское общество после того, как побывал пиратом?

Как и во время минувшей бессонной ночи, ее мысли замесались между различными возможными вариантами, один ужаснее другого.

Нянюшка меж тем вытащила Аластера из воды и теперь выжимала его курточку. Здесь, в Арбор-Хаусе, была такая тихая, мирная атмосфера. За рекой работники косили траву, а еще дальше в небе сгущались облака, намекая, что позднее может пойти дождь.

Нет, грубым, вульгарным людям здесь не место. Гриффин наверняка поймет это с первого взгляда.

Так что Фиби беспокоится совершенно напрасно.

Глава 4

Гриффина не покидала мысль, что он не узнает своей жены. Вероятно, такая убежденность являлась своеобразным интуитивным ухищрением, направленным на то, чтобы облегчить его нынешнее состояние.

Он не мог в точности определить свои чувства – за исключением того, что подобное ощущение в животе у него возникало только во время сильной качки.

Лишь к тому моменту, когда наемный экипаж подкатил к его дому, который он ни разу не видел, но который, судя по всему, приобрел восемь лет назад, Гриффин осознал, что испытывает какую-то нервозность.

Но ведь пираты, черт возьми, никогда не нервничают!

Выбравшись из кареты, Гриффин поддернул слегка смявшиеся манжеты. Он постарался одеться с особым шиком – в синий сюртук прусского образца с серебряными пуговицами. Его бриджи обтягивали ноги подобно перчаткам, а сапоги были изготовлены самим Хоби.

Направившись к дверям, Гриффин постарался шагать как можно бодрее, чтобы его хромота была не так заметна.

Как оказалось, он владел неплохим особняком, расположившимся на невысоком взгорке. Красный кирпич, из которого был сложен дом, со временем приобрел розовато-оранжевый оттенок. Вдали виднелись фруктовые сады и обширные поля. Все навело на мысль, что здесь не декоративное дворянское поместье, а действующее фермерское хозяйство. Большое, внушительное и без претензий.

Это гнездышко совсем не походило на то, где вырос он сам, – загородное поместье виконта, ни на секунду не забывающего о своем месте в аристократической иерархии.

Однако такой дом определенно предназначен для проживания целого семейства, а не одинокой дамы. Хотя размер жилища ведь еще ни о чем не свидетельствует. Быть может, вместе с Поппи живут ее ближайшие родственники? Насколько помнил Гриффин, у нее имелось множество братьев и сестер. Купеческие семьи, как правило, весьма большие.

Из-за кареты меж тем появился Акула, держа в руках намеренно оставленную Гриффинот трость.

– Не прикажете ли кликнуть слуг, чтобы они внесли вас в дом?

Гриффин метнул в его сторону недовольный взгляд.

– Помолчи!

Неужели Акула думает, что он не способен подняться к дверям самостоятельно, без какой-либо опоры? Вообще его трость была довольно элегантной, изготовленной из красного дерева, с рубином в рукоятке и скрывающей внутри себя острый клинок, однако выглядела она слишком уж по-стариковски.

«Излишняя гордость ведет к падению», – напомнил себе Гриффин и поковылял к дверям. Что верно, то верно – гордости у него хоть отбавляй. Он рыскал по свету, пиратствуя и вкладывая добычу в легальную коммерцию, и, как ни удивительно, его промысел действительно приносил деньги. Оказалось, состояние можно делать и на лесоматериале, и на специях, и на любом другом грузе – на всем, что они с Джеймсом брались перевозить в различные уголки мира.

Но потом один ловкий мерзавец едва не перерезал кузену горло, а его самого ранил в бедро. После чего Джеймс осознал, что по-прежнему любит свою жену, и решил вернуться в Англию. К Гриффину подобное соображение не могло иметь отношения, поскольку со своей супругой он был знаком всего лишь один день. Однако он понимал, что покалеченный пират обречен на скорую смерть, и этот довод сыграл немалую роль.

Но вообще Гриффин вернулся, потому что не видел дальнейших перспектив. Он обошел под парусами весь мир, в восемь или девять раз увеличил свое состояние. Чего еще ждать, кроме переселения в могилу?

Как только Гриффин приблизился к ступеням крыльца, двери внезапно распахнулись. Он поспешил выпрямиться, ожидая появления дворецкого, однако темный проем так и остался пустым.

Приподняв бровь, Гриффин взглянул на Акулу. Среди раскинувшегося вокруг сонного зеленого ландшафта тот выглядел так же нелепо, как мастиф на чаепитии.

– Лучше не входить, – проговорил Акула. – Возможно, засада.

Гриффин лишь хмыкнул и продолжил подниматься. Если состояние его ноги не улучшится, он, чего доброго, кого-нибудь прибьет, чтобы дать выход своей досаде.

В прихожей никого не оказалось. Помещение было просторным и изысканным, с мраморной, изгибающейся влево лестницей, ведущей вверх. Не так уж и плохо. Но где, черт возьми, прислуга?

Позади вдруг послышался шорох. И поскольку они не так давно вернулись с морей, чтобы у них успели притупиться рефлексы, Акула тотчас выхватил кинжал и прижался спиной к стене, а Гриффин захлопнул дверь и потянул из трости клинок.

Но как оказалось, за дверью, сидя на корточках, притаился совсем небольшой мальчуган с деревянным мечом в руке и черной повязкой на глазу. Такой вот юный пират... Открытый глаз которого был широко распахнут, а грудь вздымалась и опадала в учащенном дыхании.

За эти четырнадцать лет Гриффин практически не встречался со столь малыми детьми. Некоторое время он ошеломленно глазел на мальчишку, но потом, спохватившись, рявкнул:

– Ради бога, Акула, убери кинжал!

Мальчуган, которому было лет пять-шесть, несомненно, сильно испугался. Но он тем не менее плотно сжал губы и поднялся на ноги. Его коленки были ободраны и испачканы, но происхождение, судя по всему, он имел достаточно благородное.

Гриффин уже собирался поприветствовать мальчика на морской манер, но тот его опередил:

– Мама не хочет вас видеть!

– Но мы ведь пираты, – сказал Гриффин, сдерживая улыбку. – Они должны ей нравиться, раз уж у нее такой сын.

Мальчишка стал осторожно сдвигаться вправо, очевидно, намереваясь удрать.

Гриффин подал знак Акуле, который шагнул ближе, но отважный малыш уже остановился.

– Где ваш дворецкий? – поинтересовался Гриффин.

– У нас его нет, – ответил мальчуган. – Он нам не нужен, потому что нам не наносят визиты, к нам приходят только друзья. – Паренек слегка прищурился. – Вы нам не друзья, поэтому вам тут делать нечего.

Здесь наверняка какая-то ошибка, подумал Гриффин. Быть может, его поверенный дал неверный адрес? Хотя это маловероятно... Ведь он отчетливо помнил визитку, где черным по белому написано: Сомерсет, Арбор-Хаус.

– Это поместье называется Арбор-Хаус? – спросил Гриффин.

– Нет, не называется! – крикнул мальчишка и, сорвавшись с места, исчез за дверью в конце коридора.

– Мы ошиблись адресом, – облегченно произнес Гриффин. – Мать паренька укажет нам направление, и мы...

Он не договорил. Акула взирал на него с отчетливым выражением жалости во взгляде.

Гриффин выругался самыми грязными словами.

– Я же сидел на козлах, – сказал Акула. – И своими глазами видел указатель. На котором ясно написано: Арбор-Хаус.

У Гриффина возникло такое ощущение, будто его пнули ногой в живот. Похоже, что...

– Вы ведь тоже не были невинным ангелочком, – продолжил Акула, словно прочитав его мысль.

– Ради бога, не лезь не в свое дело, – нахмурился Гриффин.

Акула покачал головой.

– Вы проводили время в свое удовольствие. Она имела такое же право.

– Мне все это видится совсем иначе, – процедил Гриффин.

– Титул не дает привилегии быть отъявленной задницей...

Гриффин бросил на ординарца свирепый взгляд, и тот наконец умолк. Капитан позволял своим людям немалые вольности, однако им не следовало забывать, кто из них главный.

Прихрамывая, Гриффин пересек прихожую и толкнул ближайшую дверь, за которой обнаружилась пустая гостиная. Она была довольно милой, со стенами, затянутыми муаровым шелком, на одной из которых висел весьма искусный пейзаж с изображением Темзы.

Кроме того, здесь имелось множество книг, а также скопление кресел перед камином, рядом с которым находилась шахматная доска, ожидающая игроков. Отброшенной в сторону, лежала чья-то вышивка, на полу – упавшее вязание.

Еще более красноречивая деталь – завалившийся набок игрушечный корабль, окруженный разбросанными оловянными солдатиками. На мачте кораблика был поднят крошечный «Веселый Роджер».

Его жена определенно не жила затворницей.

– Она не могла выйти замуж за кого-то еще, – пробормотал Гриффин себе под нос. – Я бы знал об этом, Петтигру сообщил бы мне. Ей пришлось бы заявить о моей смерти.

– Признаков мужчины в доме не видно, – подал из-за плеча голос Акула. – На мой взгляд, здесь обитает только она и мальчуган. Ни трубки, ни бренди. – Он кивнул в сторону небольшого столика. – Только шерри.

– Не вздумай харкать, – предупредил Гриффин. – В благородных домах это не принято.

– Я и не собирался, – с некоторой обидой отозвался Акула. Последние два месяца он буквально впитывал информацию, которой с ним делился один из матросов, побывавший в господском услужении. – Я просто хочу сказать, что у вашей супружницы есть детеныш, а мужика нет.

– Возможно, он проживает в другом месте, – сквозь стиснутые зубы вымолвил Гриффин.

Он вернулся обратно в холл. Два следующих помещения оказались столовой и небольшой, подчеркнута женской гостиной.

За четвертой дверью – той, за которой скрылся мальчишка, – совершенно неожиданно обнаружился внутренний дворик, образованный двумя флигелями. Вымощенный кирпичом, с несколькими деревьями, дающими густую тень, дворик выглядел очень мило и уютно. За ним тянулся широкий луг, спускающийся к озеру.

– Вон он... Улепетывает во все лопатки. – В голосе Акулы булькал смех.

Маленькая фигурка, сверкая пятками, неслась вниз по склону. У края воды виднелись белые юбки и большой зонт для защиты от солнца.

Гриффин шагнул было во двор, но тотчас осознал, что ему будет трудно добраться до озера. Он просто взмокнет к тому моменту, как спустится наконец к подножию холма, и его будет трясти от усталости. Раненую ногу уже и так пробирали судороги после того, как ему пришлось взойти по ступеням.

– Вы можете присесть вон там, – сказал Акула, мотнув головой в сторону столика, стоящего под раскидистым дубом и окруженного удобными креслами.

В одно из них со вздохом облегчения Гриффин и опустился. Какое-то время ничего не происходило.

Они сидели и слушали пение птиц. В море корабль всегда сопровождали чайки и бакланы с их резкими неприятными криками, и по сравнению с ними здешние птахи исполняли чуть ли не арии Моцарта, общаясь меж собой с помощью трелей и тремоло и вытанцовывая на ветвях замысловатые танцы в ухаживании друг за другом.

Меж тем минута текла за минутой. Очевидно, Поппи не придавала особого значения словам мальчика, который наверняка уже рассказал ей, что дом захватили пираты. Вряд ли ее стоит упрекать за игнорирование подобного вздора. Однако оставлять вот так открытым дом, где, судя по всему, отсутствовала мужская прислуга, неразумно и небезопасно. Что, если сюда нагрянут воры или грабители?

Вскоре терпение Гриффина иссякло.

– Посмотри, не идет ли она, – обратился он к Акуле. – Если нет, то сходи туда и поинтересуйся, не соблаговолит ли она поприветствовать своего мужа.

Акула отошел от столика и глянул в сторону озера.

– Она поднимается по склону, – сообщил он. После чего заметил: – Вы никогда не говорили, что ваша супружница такая аппетитная.

Гриффин бросил на него суровый взгляд, и Акула, умолкнув, вернулся к своему креслу.

Вообще-то, можно было бы отослать его на поиски слуг, но таковых здесь, похоже, просто не имелось. К тому же Акула наверняка вверх бы какую-нибудь кухарку в истерику, если бы возник перед ней безо всякого предупреждения. Сабельный шрам на подбородке придавал ему слишком уж свирепый вид.

Вздыхнув, Гриффин нанес очередной удар по своей ноющей ноге. Нет никакой необходимости напоминать ему о привлекательности Поппи. Ее лицо практически единственное, что запечатлелось в памяти с их первой брачной ночи. В то время он был тощим семнадцатилетним юнцом, тогда как она в свои двадцать – вполне сформировавшейся, изящной и очень красивой женщиной. Просто ужасающе красивой.

И того, чем все завершилось, едва ли можно было ожидать. Свою жену он оставил девственницей, но эту добродетель она, как видно, не сохранила. Гриффин испытывал что-то похожее на гнев, хотя, конечно же, не имел никакого права на подобное чувство. Мужчине, загулявшему на четырнадцать лет, не следует надеяться на верность супруги.

Однако Пенелопа, как известно, так и не изменила Одиссею...

Хотя этот герой, вероятно, в полной мере удовлетворил свою жену, прежде чем отправился на войну. И вроде бы зачал с ней детей. Гриффин так давно читал поэму Гомера, что не слишком отчетливо помнил подробности.

Как бы там ни было, ему и в голову не приходило, что его супруга, подобно ему самому, с легкостью нарушит данную перед алтарем клятву. И что она обзаведется ребенком, сыном, который унаследует его титул и в один прекрасный день станет виконтом.

Впрочем, Гриффин столько лет болтался по морям во многом из-за того, что испытывал отвращение к одержимости своего отца титулами, родословной, положением в обществе и прочей подобной ерундой. Так что стоит ли ему теперь беспокоиться обо всех этих условиях?

Но где же, черт возьми, папаша этого мальчишки? Маленькому пирату, вероятно, еще неизвестно о том, что он незаконнорожденный. Но со временем он узнает.

Хотя, возможно, и нет... Потому что официально с происхождением у мальчонки, конечно же, все в порядке. Он считается рожденным в законном браке и имеющим право наследования.

Гриффин скрипнул зубами и выругался.

– В присутствии жены вам не следует так выражаться, – заметил Акула. – Ей это вряд ли понравится.

Глава 5

Вскинув руки, Лидди ахнула и едва не лишилась чувств, когда подбежавший Колин, хватая ртом воздух, сообщил, что в дом проникли «два каких-то дядьки... и у одного из них на лице рисунок... а может, даже у обоих... и один из них с тростью...».

– С тростью! – воскликнула Маргарет и запрыгала от восторга. – Это пират на деревянной ноге! Я хочу посмотреть!

Она и Колин были просто одержимы игрой в пиратов, в чем Фиби, никогда не упоминавшая при детях о роде занятий сэра Гриффина, усматривала некоторую иронию судьбы. Однако сейчас это не казалось забавным.

Миссис Макджилликадди ухватила Маргарет за руку.

– Нет, ты никуда не пойдешь, – заявила Нянюшка непререкаемым тоном. Когда она так говорила, ее не решались ослушаться не только дети, но и сама Фиби. – С этими джентльменами сначала должна поговорить ваша мать.

– Правда, мама, сходи туда, – посоветовал Колин. – Эти дядьки большие. Просто огромные.

– В самом деле огромные? – спросила Маргарет скорее заинтересованно, чем испуганно.

Такая уж у девочки натура. Наверное, у нее вызвал бы любопытство даже разбойник, забирающий ее игрушки.

Фиби поднялась и взяла свой зонтик. Ей очень не хотелось идти обратно к дому. Этому противилась каждая клеточка ее существа.

– Да, огромные, – подтвердил Колин. – Они могли бы запросто меня съесть. Хотя нет, я ведь был с мечом. Они бы съели тебя, – сказал он младшему брату.

Аластер вскрикнул и спрятался за материнскую юбку.

– Колин, не говори чепухи, – одернула Фиби. – У нас в Англии каннибалы не водятся.

– Эти дядьки не похожи на других! Они наверняка не из Англии, потому что у нас никто не ходит с рисунками на лице. Поэтому они могут быть и каннибалами.

Фиби не сомневалась, что в данный момент она бела как мел. Но как говаривала ее мать, то, чего нельзя избежать, необходимо встретить с открытым забралом. Она пережила смерть родителей и сестры, так что справится и с нынешними трудностями.

– Дети, оставайтесь с Нянюшкой.

– Мама, не ходи, – зашептал Аластер, продолжая цепляться за ее юбки. – Они, наверно, плохие. И злые.

– Я ведь говорила, что нам нужно завести дворецкого, – посетовала Нянюшка. – Будет лучше, если я пойду с тобой.

Фиби помнила почти каждое слово из заметки в «Морнинг кроникл» и не имела ни малейших сомнений по поводу того, кто поджидает ее в доме.

– Нет, Нянюшка, это абсолютно исключено. Остайся, пожалуйста, здесь и проследи, чтобы Аластер опять не залез в воду. Вы сможете присоединиться к нам через... – Сколько ей понадобится времени, чтобы оказать должный прием мужу, с которым она практически незнакома? Минут десять? А после приветствий и прочих формальностей сколько следует выждать, прежде чем сообщить о наличии у него троих детей? – Через пятнадцать минут, – решила Фиби. – Приведите детей где-то через четверть часа. – И с этими словами она неохотно направилась к дому.

В висках у нее весьма ощутимо пульсировало. А что, если муж отвергнет ее детей?

Тогда она, конечно же, оставит его. Благодаря умелому отцовскому управлению их поместье процветает и ее так называемая вдовья часть наследства стала еще весомее. Поэтому Фиби вполне может приобрести для себя и детей другое жилье.

Впрочем, что она выдумывает? Это ведь ее дом! Так что, если Гриффин отвергнет детей, она просто-напросто укажет ему на дверь.

Одолев склон, Фиби остановилась, чтобы отдышаться, прежде чем вступить во двор. Вообще ей не стоит так волноваться. Она достаточно ясно помнила Гриффина. Он был невысоким, худым и довольно-таки робким. В ту ночь даже при скудном свете всего лишь двух свечей она отчетливо видела, как сильно он покраснел.

Мужчины не меняются, это общеизвестно. Так что ей просто нужно быть вежливой, но твердой. И он снова исчезнет. Преступникам не место на Британских островах, как бы ни были влиятельны их семейства.

К счастью, возможный скандал не окажет никакого воздействия на жизнь Фиби. Эта мысль успокаивала. В первое время после бракосочетания свекор пытался ввести ее в свой круг общения, но она, униженная бегством мужа, отказалась от подобной привилегии. И теперь, несколько лет спустя, была очень рада, что не позволила вовлечь себя в никчемную суету так называемого высшего света.

Оправив юбки и сделав глубокий вдох, Фиби двинулась к дому. Но, пройдя двор наполовину, остановилась, буквально застыв на месте.

За столиком под деревом сидели двое мужчин. Явные пираты!

У одного из них в ухе висела серьга, и у обоих на лицах имелись какие-то странные рисунки. Они действительно были огромными, как и сказал Колин. Крупные мускулистые мужчины, развалившиеся в ее креслах, словно... Фиби даже не находила подходящего сравнения. Увидев ее, один из них поднялся. Громадный, с широченными плечами и бронзовым от загара лицом. Он пристально смотрел на нее, по мере того как она приближалась, и под его взглядом ее щеки почему-то охватывал жар.

Но в то же время Фиби с облегчением осознавала, что никто из этих двоих не мог быть ее мужем. Ни один из них ни капли не походил на него. Гриффин, конечно же, вполне мог подрасти, поскольку на момент исчезновения ему было всего семнадцать, но тем не менее он по-прежнему имел бы темные волосы и худощавое телосложение. Эти мужчины, должно быть, его посланники.

– Джентльмены, – начала Фиби, подойдя к ним и заставив себя улыбнуться. – Прошу меня извинить за то, что вас никто не встретил. Полагаю, вы являетесь знакомыми моего мужа, сэра Гриффина Берри?

Второй человек тоже поднялся на ноги, но они оба молчали, взирая на нее. Улыбка соскользнула с ее лица. Эти пришельцы были такими большими и совсем непохожими на англичан. Может, они и не понимают по-английски?

– Бонжур, – в качестве пробы произнесла Фиби, мысленно попрекнув себя за отсутствие прилежания во время уроков французского.

– Поппи? – вопрошающе проговорил один из мужчин.

У него были короткие русые волосы. А также татуировка под глазом. Он был просто ужасен.

Поппи?.. То есть мак? Фиби не знала, как его понимать.

– Боюсь, мака у нас здесь не найдется. Но вы ведь не это имели в виду? – Фиби попыталась снова взглянуть на собеседника, но тотчас же отвела взгляд.

Он был таким... самцом. Она как-то не привыкла находиться рядом с подобными людьми. В сущности, Фиби не припоминала ни единого человека, за исключением местного кузнеца, обладавшего столь ярко выраженным мужским началом.

Незнакомцы продолжали глазеть на нее в полном молчании. Это начинало вызывать раздражение. Меж тем Фиби обратила внимание, что сюртук, надетый на том мужчине, который хоть что-то произнес, был слишком элегантен для простого слуги.

Она скрестила руки на груди и собрала все свое терпение, выработанное в воспитании троих малых детей.

– Ну так что, джентльмены?.. Вы работаете на моего мужа, сэра Гриффина Берри?

Светловолосый мужчина прокашлялся.

– Мы... мы действительно знаем вашего мужа.

Незнакомец переступил с ноги на ногу, и Фиби заметила, что он опирается на трость. Подобное обстоятельство как-то не вязалось с его brutальной внешностью, но, разумеется, никакая сила не смогла бы компенсировать серьезное физическое увечье.

– Пожалуйста, присядьте, – поспешила предложить Фиби. – Вам, должно быть, очень трудно стоять.

Он взглянул на нее сквозь невероятно длинные ресницы. Вообще-то, если бы он не был столь чудовищно огромен, его можно было бы счесть привлекательным – в том смысле привлекательности, какой обладают иногда представители простонародья.

Несколько секунд мужчина продолжал стоять, словно не поняв ее слов, но затем все же опустился в кресло.

Его спутник остался на ногах, лишь прислонился к стене. Этаким малозаметный слуга, застывший в готовности. Однако этот человек имел слишком уж грозную внешность, в том числе и по причине ужасного шрама поперек подбородка. Фиби стало как-то не по себе при мысли, что подобный тип находится в ее доме.

Когда сэр Гриффин явится лично, она непременно выскажет ему порицание за то, что послал к ней таких страшилищ. Хотя, конечно, похвально, что он постарался заранее уведомить о своем прибытии.

– Пожалуйста, скажите, что я могу для вас сделать, – с расстановкой произнесла Фиби. – Насколько я понимаю, сэр Гриффин Берри вернулся в Англию. – Она на секунду замялась, затем продолжила: – Вы здесь для того, чтобы сообщить о его скором приезде?

– Что-то в этом роде, – ответил сидящий. Его голос был низким и довольно-таки приятным, подобно журчанию воды, бегущей по камням. – Мне кажется, вашему мальчику тоже хочется к нам присоединиться. – Движением подбородка он указал за ее спину.

Фиби обернулась и увидела острие деревянного меча, торчащего из-за угла дома.

– Колин Берри, я ведь велела тебе оставаться с няней, – строго проговорила она.

Светловолосый мужчина взирал на появившегося Колина, сдвинув брови. Фиби не могла допустить, чтобы кто-то недовольно хмурился, глядя на ее детей, поэтому устремила на незнакомца требовательно-предупреждающий взгляд. Но тот, похоже, был не слишком понятлив.

Меж тем Колин, не обращая внимания на ее строгость и проявляя явное непослушание, уже шел к ним.

– Это ваш сын? – спросил мужчина. Вопрос был совершенно бестактным, простительным разве что иностранцу. Хотя акцента в его произношении не чувствовалось.

– Да, сын, – подтвердила Фиби, придав своему голосу несколько прохладный тон. – К сожалению, он очень шаловливый и озорной.

– Но он ведь пират, – сказал мужчина. – Пираты такими и бывают.

Фиби сделала глубокий вдох.

– Осмелюсь предположить, сэр, вы утверждаете это на основании собственного опыта, не так ли?

– Я уже, так сказать, вышел в отставку, – вымолвил мужчина.

Колин тем временем приблизился и остановился рядом с ней.

– А я не собираюсь в отставку! – громко объявил он. – Я всю жизнь буду бороздить моря и океаны.

– Сколько тебе лет? – поинтересовался мужчина.

Колин выпятил грудь.

– Пять с половиной. Почти шесть.

Фиби положила руку ему на плечо и поцеловала в макушку.

– На самом деле ему исполнилось пять пару недель назад.

– Мне хотелось бы несколько минут поговорить с твоей матерью наедине, – сказал мужчина.

Колин тотчас повиновался и отошел в дальнюю часть двора. Учитывая его обычное нежелание воспринимать слова матери, подобное послушание вызывало досаду.

Хотя, возможно, это было проявлением инстинкта самосохранения, что можно только приветствовать.

Человек, которого Фиби сочла слугой, отстранился от стены.

– Быть может, нам с юным господином прогуляться к озеру? – предложил он.

Фиби устремила на мужчину изучающий взгляд. Его нос был явно сломан, физиономия заклеяна изображением цветка около глаза, не говоря уже о шраме. Ну а судя по произношению, вырос он в той неблагополучной части Лондона, которая называется Ист-Эндом.

Впрочем, не следует судить о людях по таким поверхностным признакам, как акцент и внешность. Глаза у этого человека были добрыми, и казалось, он мысленно смеется.

– Как вас зовут? – спросила Фиби.

Светловолосый мужчина оперся было на трость, намереваясь подняться, но она остановила его прикосновением к плечу.

– Пожалуйста, сэр, не утруждайте себя.

Затем снова повернулась к слуге и протянула ему руку – так, как учила ее мать. «Обычно леди делают реверанс, – говорила та. – Но самостоятельные и состоятельные женщины могут обмениваться рукопожатием. Без перчаток. Причем даже со слугами, при первой встрече с ними».

Ее ладошка утонула в широкой пиратской длани. Он улыбнулся, отчего вокруг его глаз образовалось множество морщинок.

– Моя фамилия – Шарктон, леди Берри, – произнес он. – Сокращенно – Шарк, поэтому обычно меня называют Акулой².

– Акула! – восторженно воскликнул держащийся поодаль Колин.

Мужчина с улыбкой глянул в его сторону.

– Именно так, паренек... Самое подходящее имя для пирата.

Другой незнакомец все же поднялся на ноги.

– В самом деле, Акула, прогуляйся с Колином к озеру, – сказал он. Его тон был мягким, однако Фиби невольно напряглась от мысли, что ей придется остаться с ним наедине.

Она подошла к сыну и, склонившись, легонько щелкнула его по носу.

– Не забывай, что ты хозяин. Что ты покажешь нашему гостю?

– Только не Лидди, – ответил Колин. – Она может и в обморок упасть. – Подбежав к Акуле, он взял его за ладонь и потянул за собой.

Фиби вернулась обратно, испытывая странное беспокойство. Светловолосый мужчина все еще стоял. Вежливо улыбнувшись, она подала ему руку.

– Я леди Берри, – представилась она, употребив титул, который практически никогда не использовала. Однако бывают моменты, когда совсем нелишне напомнить о своем высоком положении, а как раз такой момент сейчас и настал.

---

² Shark – «акула» (англ.).

– Леди Берри, – повторил мужчина. Прислонив свою трость к столу, он принял ее руку, но не пожал. И не поцеловал. Следовательно, он не принадлежал к благородному сословию, несмотря на великолепие своего наряда.

Его длань была еще шире, чем у Акулы. Фиби ощущала мозоли на кончиках его пальцев, видела белый шрам, змеящийся по тыльной стороне ладони.

И в это мгновение на нее словно снизошло озарение – настолько шокирующее, что она утратила твердость в ногах.

Фиби вытянула руку из ладони мужчины и присела в кресло, не сводя с него взгляда. Эти голубые глаза... Невероятно голубые. Она помнила их, но они принадлежали совсем другому человеку.

– Раньше ты был ниже, – прошептала она, ошеломленная неожиданным открытием.

– С тех пор я немного подрос.

Некоторое время они взирали друг на друга в полном молчании, которое наконец нарушил он:

– Разрешите представиться: сэр Гриффин Берри. – И не дождавшись реакции, добавил:

– Твой муж.

Фиби была просто не в состоянии что-либо вымолвить.

Глава 6

Гриффин смотрел на свою жену, охваченный чувством, которому даже не находил названия.

Жена... Многие годы это слово ничего для него не значило. Так же как, очевидно, и для нее, учитывая его сегодняшнюю встречу со своим наследником.

В груди kloкотало что-то похожее на ярость при мысли, что какой-то другой мужчина прикасался к его жене. Сам Гриффин за годы, проведенные вдали от родины, нигде не оставил после себя потомства, поскольку не пренебрегал так называемыми «французскими письмами». Поппи же, как видно, и не пыталась предохраняться. Однако он не мог утверждать, что покинул ее удовлетворенной, поэтому...

– Отец Колина... – с невольной резкостью проговорил Гриффин. – Где он?

Последний десяток лет многие чуть ли не подсакивали, стоило ему хоть немного повысить голос. Но эта эффектная женщина, сидящая перед ним, даже не дрогнула.

– Он умер, – сообщила она после бесконечно долгой паузы.

– У тебя есть другие дети? – выдавил из себя Гриффин, едва не задохнувшись. Он был так осторожен со своим семенем, тогда как его жена...

– Еще двое, – ответила она, глядя на него без всякого страха.

Черт... Настоящая «пиратская невеста». В глазах ни единого проблеска угрызений совести и хоть какого-то стыда.

– Ты, должно быть, полагала, что я никогда не вернусь?

– Ты не давал мне оснований думать иначе. Поначалу я интересовалась у твоего поверенного, мистера Петтигру, о твоих планах, но потом прекратила расспросы.

Что ж, вполне разумно и логично...

– Ты покинул страну и, насколько мне известно, занялся пиратством, а это занятие редко кто бросает. И тебе, как видно, сопутствовал успех, принимая во внимание те немалые суммы, которые доставлял мистер Петтигру.

В ее голосе не ощущалось ни единой капли чувства вины. Его жена была невероятно привлекательной женщиной, с волосами цвета спелой пшеницы... И кроме того, обладала стальным характером.

– Последние семь лет я был капером, – сказал Гриффин. – На мачте у нас развевался флаг Королевства Сицилия, и по большей части мы топили именно пиратские корабли.

– Боюсь, я не совсем понимаю разницу.

– Каперы уполномочены правительством той или иной страны атаковать пиратов, обеспечивая таким образом безопасность судоходства. Мы также нападали на рабовладельческие корабли и освобождали невольников.

– Значит, ты никого не заставлял шагать за борт по доске?

Гриффин помотал головой.

– Никогда. Даже на самом первом корабле, после того как меня похитили, я...

– Тебя похитили? – Его слова наконец-то вывели Фиби из этого надменного спокойствия. – То есть силой доставили на корабль?

– А ты решила, что я по доброй воле покинул Англию?

Похоже, именно так она и думала. Гриффин и не предполагал, что ее фарфоровая кожа способна стать еще бледнее, но это оказалось возможным. Ее глаза выражали жалость. Неужели к нему?

– Мне было семнадцать, – продолжил Гриффин. – Невысокий, как ты упомянула, и не очень-то сдержанный. Я напился тогда до беспамьятства, первый раз в жизни, и стал легкой

добычей для вербовщиков. И в ту же ночь, еще до рассвета, корабль, на который я попал, взял курс на Вест-Индию.

– Напился до беспамятства?.. То есть сразу после того как убежал?

Черт... Даже столько лет спустя он по-прежнему испытывал неловкость.

– После моего фиаско в нашу первую брачную ночь я отправился в ближайший паб, – сухо проговорил Гриффин. – Где накачался под самую завязку. А очнувшись, обнаружил себя уже в море.

– Мы здесь этого даже не знали, – прошептала Фиби. – Я думала, ты меня просто бросил.

Интонация ее голоса была вроде как извиняющейся, и Гриффину хотелось принять это извинение, однако он уже давно решил во всем придерживаться правды, какой бы горькой та ни была.

– Возможно, я действительно сбежал бы, то есть самостоятельно, если бы мог обдумать такой вариант. Но я был слишком пьян для связного размышления.

– Нам даже в голову не приходило, что тебя могли похитить, иначе мы непременно предприняли бы меры. Мой отец... мы все подумали, что ты просто устыдился брака с представительницей более низкого сословия.

– Твой отец еще жив?

Она покачала головой.

– Его не стало семь лет назад.

Все ясно – дождалась смерти отца и уже тогда обзавелась любовником. Подобное обстоятельство вызывало еще большую досаду. Гриффину следовало бы вернуться пораньше.

– И где же остальные дети? – поинтересовался он, буквально выдавливая из себя слова.

– Ты сердисься? – спросила Фиби, игнорируя его вопрос. – Многие мужчины пришли бы в ярость... Если б, вернувшись после долгой отлучки, обнаружили тройное прибавление в семействе.

– Я не в праве предъявлять претензии, – произнес он сдавленным голосом.

– А у тебя есть дети?

– Нет! – практически рявкнул Гриффин, неожиданно для самого себя.

Но она даже не вздрогнула. Вместо этого ее глаза наполнились сочувствием, и, подавшись вперед, она накрыла его ладонь своей.

– Хочу сказать, что твой недуг не является чем-то исключительным, – мягко произнесла Фиби. – Наверное, ты и сам в этом убедился во время своих странствий по миру.

Подобная манера речи, вероятно, характерна для нее, подумал Гриффин. Она была и доброжелательной, и сдержанной, обладая при этом восхитительным чувством собственного достоинства.

И тут до него дошел смысл ее вопроса. Она полагала, что он ни на что не способен! Не только породить дитя, но и вообще!

– Именно поэтому, Поппи, ты и обзавелась своими собственными детьми? – Помимо воли эти слова Гриффин процедил сквозь стиснутые зубы.

Ее взгляд стал несколько жестким.

– Что ты такое говоришь?

– А то, что у тебя имеются незаконные дети!

– Да я не о том, – отмахнулась Фиби, как будто ее дети не имели никакого значения. –

Почему ты называешь меня Поппи?

– Потому что это твое... Разве это не твое имя?

– Разумеется, не мое. – Она сморщила нос. – И оно мне не нравится.

– Не нравится? – Гриффин был несколько ошеломлен. Именно в честь нее, своей покинутой жены, он назвал свой корабль. И сначала «Летучий Мак», а затем и «Мак II» наводили ужас на пиратов по всему миру.

– При рождении мне дали имя Фиби, – сообщила она, приподняв подбородок и сверкнув глазами.

Гриффин прокашлялся и сказал:

– Звучит неплохо.

Черт побери... Должно быть, он ослышался во время венчания.

– Ну и что ты здесь делаешь, Гриффин? – судя по интонации, Фиби хотела подчеркнуть, что уж она-то помнит его имя.

– Я вернулся домой, – ответил он.

Несмотря на все обстоятельства – и то, что она считала его импотентом, и то, что родила троих детей за время его отсутствия, и то, что он не запомнил имя собственной жены, – у него было ощущение, что их отношения так или иначе наладятся.

– Это мой дом, – твердо сказала Фиби.

– Но ты ведь моя жена. – Гриффин улыбнулся, любуясь тем, как скривились ее сочные губки. Его милая женушка была слишком чопорной. Ему предстояло научить ее более легко относиться к жизни.

– Для меня предпочтительнее обратное, – произнесла она таким тоном, будто отказывалась от предложенной чашки чая.

– Что именно?

– Я бы предпочла вообще не выходить за тебя. Уверена, наш брак можно легко аннулировать на основании неосуществленных брачных отношений. Можно также подать прошение о разводе в парламент, указав в качестве причины род твоих недавних занятий.

– Или же факт наличия у тебя троих детей!

Фиби растерянно заморгала. Как видно, он задел ее за живое, но чему она удивляется? Соседи наверняка относятся к ней, как к отверженной.

– Да, – согласилась она. – У меня есть дети. И когда мы разведемся, ты сможешь обзавестись собственными.

– Собственными детьми?.. Разве не ты только что выразила соболезнование по поводу моей физической несостоятельности?

Выдержав недолгую паузу, Фиби с достоинством ответила:

– Поскольку данная тема кажется тебе забавной, можно сделать вывод, что твоя проблема была обусловлена скорее юностью, нежели физиологией.

– Или же, – предположил он, – эта проблема проявилась только в твоем присутствии.

Фиби нахмурилась.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты слишком красива. – Гриффин начал получать удовольствие от такого разговора. – И вполне возможно, снова лишишь меня способности. Есть только один способ проверить это.

– Подобный эксперимент крайне нежелателен, – поспешила возразить Фиби. – Тем более, сэр, если у вас имеется беспокойство по данному поводу, лучше не подвергать себя риску оказаться в затруднительной ситуации.

Гриффин подался вперед, не обращая внимания на боль в бедре. Вблизи ее кожа, не тронутая солнцем, имеющая цвет свежих сливок, казалась шелковой.

– Настоящий мужчина никогда не уклонится от такого испытания, моя милая Фиби.

– Я вовсе не ваша милая Фиби!

– Тогда, может, моя дорогая жена?

Глава 7

Пока Фиби тарасилась на мужа, подыскивая слова для достойного ответа, на вершине склона появились Нянюшка Макджилликадди, мистер Шарктон и дети, за которыми, подобно воздушному змею на бечевке, тащились Лидди.

В голове Фиби царилла такая сумятица, что она ничего не сказала и тогда, когда все они вошли во двор. Ее муж полагал, что эти дети незаконнорожденные. Он не помнил ее имени. Он считал ее распутницей, падшей женщиной, которая... которая...

Она ненавидела его!

– Извини, пожалуйста, что не встаю, чтобы поприветствовать тебя, – обратился Гриффин к Аластеру. – Я ранен в ногу. С Колином я уже познакомился, а как твое имя?

– Аластер, – ответил трехлетний малыш.

Он твердо стоял на своих маленьких ножках и смотрел на пирата так, будто подобных типов встречал каждый день. А ведь у них даже не было мужской прислуги, за исключением двух молодых людей, работавших главным образом в саду. Иногда еще Аластер видел чистильщика обуви.

– Ну а сокращенно тебя, наверное, зовут Тером? – предположил Гриффин.

Аластер нахмурился.

– Какое глупое имя. Меня зовут Аластером, потому что так меня назвала мама.

– Аластер – очень древнее и достойное имя, – заметила Фиби, холодно взглянув на Гриффина.

Однако, как она уже убедилась, ее муж был не из тех, кого можно смутить ледяным взглядом.

– Но Аластер тоже звучит несколько глуповато, разве не так? А вот Тер, судя по звучанию, это такой парень, который запросто может забраться в дом, построенный на дереве. У вас такой имеется?

– Что имеется? – с подозрением переспросил Аластер.

– Дом на дереве. Ты вообще лазаешь по деревьям? Вот, кстати, неплохое дерево для дома. – Гриффин указал на старый дуб по другую сторону двора.

– Он не лазает, – вступила в разговор Маргарет, отпихивая Аластера. – А я лазаю.

Волосы девочки были растрепаны, на ногах – лишь один чулок. Другой был повязан вокруг головы.

– Маргарет, – с упреком произнесла Фиби. – Ну почему ты в таком безобразном виде? Всего час назад ты была вполне опрятной.

Но Маргарет даже не взглянула на нее, не отрывая глаз от Гриффина.

– Я – пиратская королева, – гордо заявила она. – Пиратские королевы так и одеваются. – И, чуть помолчав, продолжила: – Ты ведь тоже пират, ты должен знать. Они такое носят? Это называется тюрбан.

Гриффина охватило странное чувство, какого он еще никогда не испытывал. Перед ним стояли три маленьких человечка: Колин, крохотный, но свирепый пират, пиратская королева Маргарет и Аластер, совсем еще карапуз. Все трое имели довольно-таки неряшливый вид. И теперь они были его детьми, рожденными под защитой его имени и титула.

– Я раньше был пиратом, – сказал Гриффин. – Но теперь я вернулся домой и уже не помню, что пиратские королевы носят на голове.

Маргарет указала пальчиком на его татуировку.

– На себе рисовать нельзя.

– Совершенно верно, – согласился он.

– Ты кого-нибудь убивал? – поинтересовался Колин.

– Стучалось.

– Здорово!

Гриффин покачал головой.

– Мне так не кажется.

– Пираты всегда кого-нибудь убивают. И заставляют шагать за борт по доске! – Похоже, у Колина имелась склонность к кровожадности.

– Джентльмены так не поступают, – возразил Гриффин. – А соблюдение джентльменских правил – это гораздо важнее, чем быть пиратом. Убивать допустимо только в целях самообороны, если кто-то поднял на тебя оружие. На безоружных, женщин и детей нападать нельзя.

Колин прищурился, обдумывая услышанное.

– А где твоя сабля? – спросил Гриффин, обращаясь к Маргарет. – Насколько знаю, пиратской королеве тоже полагается иметь саблю.

– У нас она только одна, и сегодня с нею играет Колин.

– Сэр Гриффин, – вмешалась в разговор Фиби. – Позвольте представить вам наших нянь.

В голосе Фиби звучало некоторое отчаяние, что, как видно, отражало ее внутреннее состояние. Вообще Гриффин не припоминал, чтобы его бывшая гувернантка преподавала ему правила представления внебрачных детей вернувшемуся после долгой отлучки супругу.

Гриффин поднялся на ноги и шепотом чертыхнулся, когда его трость выскользнула из руки и он едва не утратил равновесие.

– Миссис Макджилликадди была когда-то моей няней, – проинформировала Фиби, глядя на мужа, сузив глаза.

Похоже, она все же расслышала его ругательство. Ну теперь-то он, по крайней мере, знал, у кого Аластер перенял этот критический взор.

Шевелюра представленной няни раньше была, вероятно, рыжей, но теперь стала блекло-розовой. Еще у нее имелась огромная грудь и столь же внушительная корма – на неискушенный взгляд Гриффина, именно так и должны выглядеть няни. Хотя его собственная няня отличалась долговязостью и, кроме того, обладала довольно скверным характером. У этой же миссис Макджилликадди натура, судя по всему, была вполне сносной.

– А это Лидди, наша вторая няня, – продолжила Фиби и указала на девушку, выполняющую не слишком умелый реверанс.

– Ну что ж, мой господин, – промолвила старшая няня таким тоном, что сразу становилось ясно: в этом доме она хоть и не хозяйка, но в то же время и не простая прислуга. – Можем ли мы воспринимать ваше появление как свидетельство того, что вы покончили с криминальным образом жизни?

– Нянюшка! – обеспокоенно воскликнула Фиби.

Однако Гриффин и не думал обижаться. Ему понравилась эта старушка. Столь вызывающий вопрос она задала, конечно же, не из дерзости.

Ответил Гриффин в соответствующем духе:

– Я получил прощение от Короны и теперь намерен вести безупречный образ жизни в лоне семьи под боком у законной супруги.

На эти слова Нянюшка лишь хмыкнула с наполеоновским выражением лица. Гриффину приходилось встречаться с Бонапартом, и особенно запомнилась ему манера корсиканца скалиться во время разговора. Как видно, Нянюшка полагала, что даже бывший пират не годится для жизни в благопристойной Англии, и Наполеон, возможно, был бы с ней солидарен.

– Ну что ж, теперь, когда все познакомились, – явно волнуясь, проговорила Фиби, – почему бы нам не попить чаю?

– Мы уже пили чай, – напомнил Колин. – И ты, мама, тоже пила.

Гриффин взглянул на жену. Он испытывал странное ощущение, видя, что она по-прежнему хороша – все равно, что найти выброшенную тарелку и обнаружить, что та из чистого серебра. Щеки Фиби были розовыми то ли от смущения, то ли от гнева, и Гриффин еще никогда не видел такой изумительной кожи, как у нее.

Он всегда преуменьшал роль ее красоты в своем фиаско во время их первой брачной ночи, обвиняя во всем свою нервозность и юношескую неопытность. Но, черт возьми... она была просто бесподобна! Очаровательнее любой другой женщины из тех, которых он встречал за время своих странствий.

– Однако его светлость чай еще не пил, – возразила Фиби с нотками отчаяния в голосе.

Гриффин решил прийти жене на выручку.

– Миссис Макджилликадди, – промолвил он, – вы не могли бы отвести этих начинающих пиратов в детскую? После четырнадцатилетней разлуки нам с женой нужно о многом поговорить.

Нянюшка одарила его суровым взглядом, давая понять, что ему лучше не огорчать хозяйку, и повела детей в дом, сопровождаемая второй, более юной няней.

– А я схожу на кухню и позабочусь о чае, – сказал Акула, явно не желающий присутствовать при супружеской беседе.

– Почему у вас нет прислуги? – спросил Гриффин, когда они остались одни. – Ни дворецкого, ни лакеев. Нас не встретила даже экономка.

– Вероятно, она была занята. У меня есть несколько работников, но в течение дня они находятся либо в поле, либо в саду. А дворецкого мы не держим, потому что у нас совсем другой тип дома.

– Другой тип дома? – переспросил Гриффин, приподняв бровь.

– В смысле – не аристократический, – пояснила Фиби. – Я не использую свой титул, и у меня нет стремления создавать здесь атмосферу дворянского гнезда.

– Но разве наличие слуг не облегчает жизнь? – возразил он.

– Зачем нужен дворецкий, который будет просто стоять в вестибюле и открывать двери редким гостям? Или лакей, чья функция состоит лишь в том, чтобы полировать серебро?

Гриффин пожал плечами. Он, в общем-то, придерживался того же мнения. На его корабле тоже не было лишних людей и каждый член экипажа выполнял по несколько функций. Это его отец и ему подобные предпочитают, чтобы слуги маячили по всему дому, демонстрируя значимость хозяев.

Фиби, вероятно, также вспомнила о свекре.

– Твоему отцу, наверное, не терпится тебя увидеть. Он, несомненно, тоже прочитал заметку о тебе. Должно быть, ждет не дождется твоего визита.

– Вряд ли у меня получится роль блудного сына. Хотя бы потому, что я не испытываю никакого раскаяния.

– Судя по тону, пиратская тема кажется тебе забавной. Я не слишком хорошо знаю твоего отца, но уверена, что ему твоя деятельность столь забавной не кажется.

Гриффин снова пожал плечами.

– У нас никогда не было общих интересов. К тому же в море перед лицом смерти быстро понимаешь, что титулы и претенциозность не стоят и ломаного гроша.

– С этим я согласна. А как насчет состояния, нажитого грабежом?

– Любое состояние так или иначе нажито грабежом.

Фиби не была похожа на дерганую особу, но Гриффин определенно заставлял ее нервничать. Она то и дело сжимала и разжимала кулаки.

– Нам нужно поговорить, – сказала она наконец.

– Мы и так уже говорим, – возразил он.

Досада, а может, даже и гнев, в глазах Фиби делала ее все больше похожей не на чопорную даму, а на женщину из плоти и крови.

– Но в действительности, – продолжил Гриффин, – от разговора нам следует перейти к более конкретным делам.

Фиби сдвинула брови.

– Мы обвенчаны, – подсказал он.

– Мне об этом известно.

– Однако наши брачные отношения так и не были осуществлены.

– Я понимаю, к чему ты клонишь... – Ее глаза расширились. – И мой ответ – нет!

Господи... Находиться в компании женщины, не имеющей реального представления о его ужасной репутации, давало ощущение какой-то необычной свободы.

– Нельзя осуждать человека за грехи молодости, – в благочестивой манере произнес Гриффин.

– Дело вовсе не в этом.

– Так, может, твой отказ связан с памятью об отце этих детей?

– Нет!

Он испытал немалое облегчение. Ведь было бы чертовски неприятно, вернувшись домой после четырнадцатилетней отлучки, обнаружить, что твоя жена тоскует по почившему любовнику.

– Что ж, тогда не вижу никаких помех.

– Сэр Гриффин... – Фиби подалась к нему всем телом. В ее бездонных голубых глазах можно было бы утонуть. – Вы не так уж долго отсутствовали в Англии, чтобы забыть родной язык. Я не желаю осуществлять брачные отношения, потому что вообще не собираюсь сохранять наш брак!

И словно в подтверждение своих слов она резко встала с кресла и решительным шагом направилась к дому.

Пару минут спустя во дворе появилась немолодая деловитая женщина, оказавшаяся экономкой, которая проводила Гриффина в отведенную для него спальню.

По всем признакам в последнее время в этом помещении никто не обитал. Интересно, как давно скончался тот тип, замещавший его на брачном ложе? Или же Фиби встречалась с ним на стороне?

Любопытно было бы узнать...

Глава 8

Фиби укрылась в своей спальне и прижалась спиной к двери, чувствуя, как колотится ее сердце. Она и вообразить не могла, что когда-нибудь столкнется с подобным.

Гриффин так сильно изменился. Он ничем не напоминал того робкого юношу, за которого она когда-то вышла замуж. От нынешнего Гриффина исходила явная опасность, отчего Фиби ощущала себя точно кролик перед волчьей пастью.

Когда ее отец заговорил о возможном браке с будущим виконтом Монкриффом, Фиби не возражала. Она всегда знала, что и ей, и сестрам отец подыщет мужей из благородного сословия. У него было предостаточно денег, за которые он хотел приобрести еще и аристократическую кровь.

Изначально Фиби даже испытывала благодарность за то, что отец подобрал ей не шестидесятилетнего старца. Хотя предпочла бы все же кого-нибудь чуть постарше себя или же ровесника. К тому моменту, когда юный баронет достиг брачного возраста, ей как раз стукнуло двадцать, и по сравнению с ним она ощущала себя искусственной и опытной в житейских делах. Она была выше своего жениха, да и весила больше.

Однако теперь, четырнадцать лет спустя, их позиции поменялись. Гриффин стал могучим мужчиной раза в два шире ее в плечах, успел многое повидать и испытать, тогда как она превратилась в этакую деревенскую курицу, кудахчущую вокруг своего выводка.

Это просто катастрофа.

Необходимо каким-то образом расторгнуть этот брак. Такая возможность наверняка имеется. Он считал ее распутной женщиной, и мысль об этом вызывала чуть ли не тошноту. Но что, если позволить ему заблуждаться и дальше? Вряд ли Гриффин пожелает, чтобы ребенок, которого она якобы нагуляла, стал будущим виконтом.

Фиби подавила поднимающийся по горлу всхлип. Какая замечательная, безмятежная жизнь была у нее вместе с детьми... Нет, этому человеку здесь не место. Что подумают ее знакомые и соседи? Даже если они и не узнают, что он был капером, все равно... Его физиономия разукрашена, как у дикаря из Нового Света.

Здравый смысл подсказывал, что кто-нибудь непременно проинформирует Гриффина о том, что эти дети приемные, поэтому не стоило надеяться на расторжение брака по причине супружеской неверности.

Слезы отчаяния закапали на ладони, скользнули меж пальцев.

И, как назло, Гриффин такой привлекательный... исключительно как представитель противоположного пола. Даже его татуировка была не столь уж отвратительной. А в его взгляде, когда он смотрел на нее, присутствовало что-то чувственное, властное. Фиби ощутила жар в животе, в ногах возникла непрошенная слабость.

Дверь внезапно распахнулась.

– Акула сказал, что возьмет нас в море! – выкрикнул Колин, вбегая в комнату. – В море, в море, в море!

Фиби вскочила на ноги, движимая материнским инстинктом, который отмел в сторону все прочие чувства. Да как мистер Шарктон посмел говорить ребенку такие вещи? Соблазняя малыша опасной, кровавой карьерой... если данный термин вообще подходит к подобному занятию.

– Колин Берри! – проговорила она тоном, который дети слышали довольно редко. – Вернитесь в детскую!

Мальчик уставился на нее изумленным взглядом.

– Немедленно!

Развернувшись, Колин поспешил прочь, весьма быстро перебирая маленькими ножками.

Своей экономке миссис Хейсти Фиби велела разместить заявившегося супруга в самой большой спальне. К счастью, она это помещение никогда не занимала, предпочитая комнату поближе к детской. И теперь, когда под влиянием гнева слезы высохли, Фиби направилась напрямик в логово Гриффина. Да она скорее умрет, чем позволит этим двум головорезам завлекать ее сына в море на верную гибель!

Дойдя до комнаты мужа, Фиби без стука открыла дверь.

– Я должна с тобой поговорить.

Гриффин стоял у окна, любуясь озером и раскинувшимися за ним полями. Опираясь на трость, он медленно повернулся.

Несколько секунд Фиби молча взирала на него, словно впервые увидев. Сейчас он казался еще крупнее и мужественнее, чем прежде. И как ни странно, наличие травмированной ноги ничуть не умаляло его грозного вида. Напротив, создавалось впечатление, будто перед ней находится раненый лев, лелеющий свою поврежденную лапу, но в любой момент готовый прыгнуть. Не менее опасный, чем в полном здравии...

Даже его русые волосы способствовали такому впечатлению. Несмотря на небольшую длину, они напоминали короткую гриву. Фиби почувствовала, как ее щеки заливают румянец, но тем не менее сумела взять себя в руки. Она должна защищать своих детей.

– Рад тебя видеть, Фиби, – поприветствовал Гриффин безо всякого удивления, как будто она вламывалась к нему в комнату каждый день. – Присаживайся, пожалуйста. – Опираясь на трость, он шагнул в сторону камина и пододвинул к ней одно из кресел.

Фиби присела, поскольку поступить иначе было бы неучтиво.

– Я пришла сообщить, что мой сын никогда не отправится в море и мистер Шарктон поступает крайне неразумно и безответственно, обсуждая с ним такую возможность.

Гриффин, облокотившись на спинку другого кресла, приподнял бровь.

– Дети не всегда следуют предписаниям матерей.

– Возможно, сейчас Колин и увлечен темой пиратства... И к моему сожалению, твое присутствие только усугубляет ситуацию. Но со временем он перерастет эту блажь.

– А какое поприще для него хотела бы ты?

– Что-нибудь безопасное, – ответила Фиби. – Чтобы он оставался в Англии или даже в Бате.

– То есть ты видишь его коммерсантом?

Ну, разумеется, Фиби полагала, что Колин скорее станет представителем того сословия, из которого происходила сама, нежели представителем аристократии – одним из тех, кого мысленно она называла не иначе как бездельниками.

– Да, – подтвердила Фиби, глядя мужу в глаза. – Я предпочла бы, чтобы Колин зарабатывал деньги честным трудом, открыв собственное дело или же в найме у кого-то другого.

К ее удивлению, Гриффин согласно кивнул. И видимо, заметив это удивление, сказал:

– Возможно, тебе не по нраву тот способ, которым я зарабатывал на жизнь, но могу заверить, что для этого мне пришлось прилагать немалые усилия. Так что я знаю цену деньгам.

Эти слова ничуть не смягчили ее отношения к нему.

– Мы должны обсудить, как нам расторгнуть наш брак, – проговорила Фиби, меняя тему воспитания детей на более важную. – Думаю, это будет нетрудно, поскольку мы так и не подтвердили нашу брачную связь. Насколько знаю, для таких случаев в законе имеется соответствующее положение.

Его глаза потемнели, и Фиби невольно напряглась. Голубые глаза Гриффина были подобны летнему небу, в котором появляются первые признаки приближающейся грозы.

– Ты действительно хочешь расторгнуть наш брак? – Выражение его лица ничуть не изменилось, в голосе не чувствовалось какого-либо гнева. И все же...

– Не нужно из-за этого сердиться, – проронила она, не отводя взгляда.

– Я вовсе не сержусь.

– Ты говоришь неправду, а я очень не люблю, когда мне лгут. Ты сердишься, и совершенно безосновательно. Ведь это не я покинула страну на несколько лет.

– Ты права, извини. Но я не хочу расторгать наш брак, и эта идея вызывает у меня... досаду.

Если в данный момент его глаза действительно выражали досаду, то Фиби не хотела бы находиться поблизости, когда он окончательно выйдет из себя.

Гриффин, в свою очередь, подумал, что ему следует спокойнее относиться к намерению жены.

– Мы не можем расторгнуть брак по причине неосуществленных брачных отношений, – произнес он как можно более ровным тоном.

– Почему?

– Потому что в таком случае на твоих детей ляжет клеймо незаконнорожденных. – Воистину, Гриффин вел себя невероятно цивилизованно. Акуле, конечно, легко разглагольствовать о праве женщины искать партнеров на стороне, ему же самому было трудно примириться с такой идеей. – И далее, – продолжил Гриффин, – аннулирование нашего брака означало бы, что я признаю себя импотентом. Однако я оказался не на высоте всего лишь раз в жизни.

В тот момент, когда Фиби откинула в церкви свою вуаль и он впервые узрел ее лицо, его охватила настоящая паника. В свои двадцать она была чертовски привлекательной, за пределами самых дерзких мальчишеских фантазий. С золотистыми волосами и нежными розовыми губками она казалась принцессой, о которой можно только мечтать. Вдобавок она была старше его. Значительно старше.

На Гриффина тогда накатила буквально парализующая волна смятения. И это было началом конца.

– Сейчас ты даже красивее, чем в день венчания, – вымолвил он.

Фиби нахмурилась.

– К чему ты это говоришь? Мы обсуждаем серьезные вещи. Мистер Шарктон пообещал забрать Колина в море. Но я скорее умру, чем допущу, чтобы мои дети ступили на кровавую пиратскую дорожку!

Гриффин не смог удержаться от улыбки. Фиби была очаровательна. Негодующая, но прекрасная.

– Чего ты улыбаешься? – возмутилась она. – Тебе кажется забавным, что мои дети могут пострадать?

– Да нет, что ты, – поспешил заверить Гриффин. – Ни в коем случае.

– То-то же... – Фиби помолчала. – Сэр Гриффин, почему бы вам тоже не присесть?

– Еще недавно ты называла меня просто Гриффином, – заметил он и, сдерживая стон, опустился в кресло. В какой-то мере он скучал по своему юношескому телу четырнадцатилетней давности, когда был тощим, как жердь.

Солнечные лучи, проникающие в окно за спиной Фиби, как будто растекались по ее волосам, заставляя каждую прядку светиться словно изнутри. Но яркий свет выявлял также и мелкие морщинки в уголках ее глаз.

Да, Фиби тоже изменилась. Сейчас в ее внешности присутствовало нечто печальное, смиренно-покорное. Во время венчания подобных нюансов в ней не наблюдалось, иначе Гриффин бы заметил.

– Гриффин так Гриффин, – согласилась она. – Но вернемся к разговору о нашем браке.

– Меня не будут брать под стражу, – уведомил он. – Поэтому такой предлог для развода тоже не представится. Я получил полную амнистию от Короны.

Фиби хмыкнула.

– Мой отец не раз говорил, что все имеет свою цену.

– Да, рубины бывают неплохими помощниками.

Фиби, сидящая на краю кресла, была такой изысканно-деликатной – и чертами лица, и телосложением. Она являла собой воплощение британской женственности. Но сейчас она была также и воплощением скептицизма, поэтому он добавил:

– Тот камень имеет размер примерно с большой палец на ноге принца-регента.

– Полагаю, он был у кого-то отобран?

– Нам он достался после захвата одного пиратского корабля, так что, возможно, его действительно у кого-то отобрали. Но мы тут ни при чем.

Спина Фиби стала еще прямее.

– Я, конечно, рада слышать, что моему супругу не грозит заточение в темницу, но это не решает нашу текущую проблему.

– Что верно, то верно. – Гриффин откинулся в кресле, постаравшись сделать вид, будто ему вполне удобно, хотя его нога заняла как никогда.

– Если тебе очень больно, то, может, лучше снова встать? – предложила Фиби.

– Это не поможет...

И как ей, черт возьми, удастся понять, что он сердится или что его мучает боль?

Гриффин ударил себя по бедру, чтобы расслабить мышцы.

– Я не вижу ничего, что делало бы наш брак таким уж проблематичным. К тому же если мы разведемся по причине неосуществленных брачных отношений, то, как я уже говорил, твои дети будут заклеены как бастарды.

Последнее слово прозвучало довольно-таки резко, хотя он и не желал этого. Так или иначе, за время их разговора он пришел к определенному решению. Фиби имела полное право обзавестись детьми, принимая во внимание его долгое отсутствие. А значит, отныне они также и его дети. Тем более что Гриффин как раз и хотел бы иметь такого дерзкого и отважного сына, как Колин.

Фиби, казалось, застыла в своем кресле. Естественно, кому приятно обсуждать собственную неверность.

– Не буду скрывать: я, конечно, предпочел бы, чтобы ты повременила с детьми до моего возвращения, – продолжил Гриффин. – Однако ты не могла быть уверенной, что я когда-либо вернусь, да и, по правде говоря, если бы не это ранение, я, вероятно, так и бороздил бы моря до самой встречи со смертью. Если не ошибаюсь, тебе сейчас тридцать четыре?

– Да, – ответила Фиби каким-то деревянным голосом. – Несколько старовата, чтобы рожать.

– Что ж, учитывая твой возраст, вполне возможно, что у нас и не будет общих детей. Поэтому мне следует даже поблагодарить тебя за предусмотрительное решение обеспечить меня наследниками.

– То есть тебя это не огорчает? – с хрипотцой вымолвила она.

– Огорчает, – честно признался он. – Разумеется, меня огорчает, что моя жена спала с другим мужчиной, пока меня не было. – Даже при произнесении этих слов внутри у него закипало. – Но как я могу тебя винить? Мы прожили в браке всего лишь один день. Я даже не запомнил толком твое имя. Я почему-то полагал, что тебя зовут Поппи, и ошибочно назвал свой корабль в твою честь «Летучим Маком».

– Какая досада, что это оказалось не моим именем, – съязвила Фиби. – Хотя, может, и к лучшему, что ты ошибся. «Летучая Фиби» звучало бы еще нелепее. – И, проявляя упорство, она продолжила: – Но тебе, Гриффин, наверняка хочется обзавестись собственными детьми.

Со мной по причине моего возраста это не получится, поэтому я уверена, что суд, учитывая также неосуществленные брачные отношения, согласится аннулировать наш союз.

– Как ты себе это представляешь?.. Меня, в суде, публично объявляющим себя импотентом...

Глаза Фиби беспокойно скользнули по его телу. Похоже, между ними имело место обоюдное притяжение, хотя она, конечно, и не желала этого признавать. Ему самому – возможно, по причине подспудного стремления реабилитировать себя за то фиаско в их первую брачную ночь – прямо-таки не терпелось завалить ее на кровать.

Ему хотелось целовать эти розовые губки, пока они не потемнеют; оставлять засосы на этой бархатистой коже; ласкать, оглаживать и вылизывать ее тело, пока она не начнет извиваться под ним, с придыханием произнося его имя.

На щеках Фиби то и дело проступал румянец, как будто Гриффин вслух высказывал те нескромные мысли, что стали возникать у него в голове с первой минуты их нынешней встречи.

– Насколько понимаю, ты прибыл сюда прямо из Лондона? – спросила она.

Гриффин кивнул, гадая, как Фиби отреагирует, если он просто подхватит ее и отнесет на кровать. Достаточно разговоров... В конце концов, она не девственница, и это все облегчало.

– Думаю, всем нам будет удобнее, если ты поживешь у своего отца, пока мы устраиваем наши дела.

– Нет! – Это слово вылетело подобно пуле.

Он не хотел лишаться своей вновь обретенной супруги. К нему пришло ясное осознание, что он желал Фиби гораздо больше, чем любую другую женщину из тех, с кем когда-либо встречался. Она должна принадлежать только ему – от макушки до пальцев ног.

– Я не вижу причин расторгать наш брак.

– Но ведь...

– Ты обеспечила нашу семью детьми, которых иначе не было бы, – перебил он. – И мы продолжим наши отношения с того момента, на котором они прервались.

Фиби взирала на него в ошеломлении. А в нем лишь усиливалось ощущение правильности собственной позиции. Фиби была его женой и таковой должна оставаться.

– Меня не волнуют твои прежние связи. Твоих детей я признаю своими и буду любить их, как родных. Если не ошибаюсь, этот дом мы приобрели около восьми лет назад?

Она кивнула.

– Он не является родовым именем, то есть неотчуждаемым имуществом... У меня тоже имеется недвижимость, которой также можно свободно распоряжаться. Так что деньги не проблема. Мы сможем устроить в жизни всех троих. – Гриффин прищурился. – С принятием в дворянское сословие, возможно, возникнут затруднения. Каков у тебя опыт общения?

– С кем? – не поняла Фиби.

– С представителями высшего света, – пояснил Гриффин.

Ее губы слегка скривились.

– Никогда не участвовала в их суетной жизни. У меня есть семья и подруги.

– Ты не вращаешься в высшем свете? – удивился он. – Но ведь ради этого ты и вышла за меня.

– Ошибаешься, – возразила она. – Ради этого тебя купил мой отец, но я его сильно разочаровала. Я не смогла бы стать своей в аристократическом обществе, да и не хотела этого.

– Фиби, – как можно мягче произнес Гриффин, – хочешь ты того или нет, но ты являешься леди Берри.

Она пожала плечами.

– Тех, кто мне дорог, это ничуть не интересует. И пожалуйста, не величай меня этим титулом. После четырнадцатилетней разлуки я не считаю себя твоей женой.

Гриффин перенес вес тела на другую ногу. Он уже не пытался скрывать боль.

– Так что случилось с твоей ногой? – спросила Фиби. – Акула укусила? Или получил ранение в бою? Вижу, ты испытываешь немалые страдания. Со временем твое состояние, надеюсь, улучшится?

– Нога-то у меня в целости, вот только бедро было порезано саблей, и рана воспалилась. Но день ото дня нога приходит в норму.

Фиби тоже шевельнулась в кресле, словно испытывая боль из сочувствия к нему.

– Я благодарна тебе за снисхождение к моим детям, но я все равно не хочу быть твоей женой. – Она сказала это тихо, но твердо, как будто решение насчет их брака зависело исключительно от нее. – И этот дом купил не ты, а я, – добавила она. – Мой отец оставил мне приличное состояние. Ты сможешь легко убедиться, что я не прикасалась к тем деньгам, которые мистер Петтигру клал на мой счет.

В третий раз за сегодняшний день Гриффин осознал скудность своего лексикона. Да и что может сказать мужчина, узнав, что его жена многие годы ничего от него не принимала? Что она не только отвергала его финансовую поддержку, но и вообще не нуждалась в нем? Пронзившее его чувство обжигало, точно струя расплавленного свинца, от него перехватывало дыхание.

– Но почему? – вымолвил он.

Взгляд Фиби ни в коей мере не был извиняющимся.

– Потому что я не желала жить на средства, добытые грабежом.

– В таком случае тебе приятно будет услышать, что моя пиратская добыча давно уже растрочена. То, что я имею сейчас, частично заработано каперством (а это отнюдь не пиратство), но по большей части является доходами от импортно-экспортных перевозок.

– Не важно... Я не хочу быть женой пирата.

Гриффин резко поднялся с кресла.

– Поздно спохватилась, моя дорогая Поппи.

– Меня зовут Фиби! – напомнила она.

Он приблизился, нависнув над ней.

– Ах да, я забыл.

Фиби запрокинула голову, глядя на мужа, однако в ее глазах не было ни капли страха. Хотя последний десяток лет здоровые мужики буквально трепетали в его присутствии. Заметив его татуировку, они готовы были обмочиться в свои бриджи.

Но с Фиби, его женой, ничего подобного не происходило.

– Отойди! – потребовала она. – Меня ты не запугаешь!

– Похоже, что так.

Его кровь чуть ли не бурлила от возбуждения. Быстрым движением он подхватил Фиби на руки и опрокинул на кровать – так, что та не успела и ахнуть.

– Прекрати немедленно! – Фиби уперлась ладонями ему в грудь и попыталась оттолкнуться.

От нее пахло розами, увлажненными летним дождем, – исконно британский аромат, который Гриффин успел подзабыть. Опершись на локти, помещенные по обе стороны от головы Фиби, и глядя сверху вниз на ее негодующее лицо, он отчеканил:

– Я хочу, чтобы ты оставалась моей женой.

– Даже пираты не всегда получают желаемое!

– Но почему? – Он уткнулся носом ей в шею и ощутил, как все ее тело откликнулось на это прикосновение. – Ты нравишься мне, ты чертовски привлекательна. Почему бы не сохранить наш брак?

– Потому что я этого не хочу! – почти выкрикнула она.

– Как ты можешь знать, даже ни разу не попробовав?

– Я не хочу ничего пробовать! Как ты не понимаешь?.. У меня своя жизнь... Дети, подруги... И тебе здесь не место!

Эти слова прорвали пелену возбуждения и остановили его руки, уже тянущиеся к ее груди.

Ему здесь не место?..

Раньше слово «дом» мало что значило для него, было пустым звуком. Он не принадлежал к миру своего отца со всеми этими титулами и аристократическим этикетом. Отныне и привычный корабль не являлся больше его домом – с той жизнью покончено.

Символом его нового дома стала Поппи... вернее, Фиби... хотя она и не хотела этого признавать.

Гриффин поднялся на ноги. Фиби, чьи волосы разметались по покрывалу, казалась такой уязвимой и невыносимо соблазнительной. Его пальцы подрагивали от желания ласкать ее, пока она не возбудится так же, как и он.

В отличие от той первой брачной ночи, на этот раз его плоть отвердела, едва Фиби вошла в комнату.

– Что ж, хорошо... – Он шагнул назад.

Фиби села на кровати с выражением облегчения на лице.

– Гриффин, в Лондоне тебе будет лучше. Там более изощренная публика, чем здесь. Там, возможно, никто и внимания не обратит на твою татуировку.

Гриффин рассмеялся. В таком же духе кто-нибудь мог бы уверять того или иного купца, беспокоящегося за свой товар, что пиратов поблизости и в помине нет.

– Здесь тебе будет ужасно скучно, – продолжала убеждать Фиби.

У него тем не менее не было сомнений, что до конца жизни он проживет именно здесь. Если только Арбор-Хаус не станет слишком тесным для всех детей, число которых, как он надеялся, еще увеличится.

– Наверное, мне действительно стоит нанести визит своему отцу, тем более что Вулфорд-корт отсюда недалеко. – Он увидел, как просветлел ее взор, и добавил: – Но к ужину я вернусь, если тебе, конечно, не жалко для меня еды. Тебя, кстати, не огорчит, если отец отречется от меня? Мне кажется, такой вариант возможен.

– Не огорчит, – отозвалась Фиби. – Но мое мнение не имеет никакого значения.

– Ты моя жена, и твое мнение для меня важно.

Их взгляды встретились, и Гриффин постарался безмолвно, одними глазами донести до нее, что ни при каких обстоятельствах не согласится на расторжение брака.

Она сглотнула, как видно, поняв этот посыл.

– Я твой муж, Фиби, – произнес он. – Возможно, наш брак не подтвержден пока соитием, но это произойдет сегодня ночью.

– Гриффин, ну зачем я тебе нужна? – почти прошептала Фиби. – Ты... дети... Ну какая из меня леди? Из меня не получится настоящей виконтессы.

Гриффин не сдержал улыбки.

– Ты думаешь, из меня получится образцовый виконт? Не переживай, оскандалимся вместе. Мне, конечно, хочется своих кровных детей, но я не против того, чтобы мой титул унаследовал Колин. Поскольку, благодаря именно твоему приданому, мой отец вылез из долгов, ты в праве сама избрать преемника. Так оно и произойдет.

– По поводу детей...

Гриффин приложил палец к губам Фиби, прежде чем та успела высказать свои соображения или извинения. Он не хотел слышать об отце ее детей, по крайней мере сейчас. Тот человек уже мертв.

– Ты нужна мне, Фиби. – В его голосе пробилась хрипотца, что звучало весьма красноречиво.

Она бросила на него обеспокоенный взгляд, судорожно глотнула, и это перекачивание по ее нежному горлу вызвало в нем новый прилив вожделения. Да что с ним такое творится?..

– Моя мать... я... – На несколько секунд Фиби умолкла. – Ну хорошо.

Создавалось впечатление, будто она снова, во второй раз, принимает его предложение. Хотя первого как такового и не было. Их брак стал сделкой между их отцами, которые обсуждали главным образом приданое и прочие финансовые аспекты.

Теперь же все решалось непосредственно между мужчиной и женщиной.

– Я, конечно, не идеальный вариант, – озвучил Гриффин свои мысли. – Несколько лет я провел по ту сторону закона и обладаю свирепой натурой. Кроме того, хромаю, татуированный, со шрамами.

Фиби окинула его взглядом с головы до ног.

– Мне нет дела до твоих шрамов, Гриффин, меня беспокоит другое. Я подозреваю, что у тебя имеется нечто вроде гарема. Я здесь этого не потерплю. Ты должен не только быть законопослушным, но и держаться подальше от других женщин.

Он едва удержался от улыбки. Надо же, какая строгая... Это даже возбуждало.

– Отныне, Фиби, других женщин для меня не существует. Даже если я вдруг встречу кого-то по имени Поппи. Ну а грабеж сам по себе никогда не был для меня интересен.

Она кивнула, и Гриффин подал руку, чтобы помочь ей подняться. У него, конечно, было немало женщин за последние четырнадцать лет – что правда, то правда. Но ни одна из них не зацепила его так, как Фиби. Должно быть, наличие свидетельства о браке имеет какое-то магическое воздействие.

– Если хочешь, я съезжу к твоему отцу вместе с тобой. Так сказать, в качестве буфера. Это было довольно неожиданно.

– Нет, не нужно, – ответил Гриффин. – Полагаю, у тебя есть дела и здесь, при детях.

Фиби совершенно не походила на его собственную мать. Он имел счастье лицезреть виконтессу не чаще раза в неделю. Не то чтобы он так уж скучал по ней – как можно скучать по человеку, с которым почти не знаком?

– Нянюшка вполне способна уложить детей самостоятельно.

– Я вернусь к ужину, – повторил Гриффин.

Он поменял позу, но на сей раз вовсе не для того, чтобы унять боль в ноге. Он чувствовал себя несокрушимым, как скала – по той лишь причине, что его жена смотрела на него так, будто действительно беспокоилась о нем.

– Мы должны заняться... этим самым... именно сегодня ночью? – спросила Фиби и опять сглотнула.

Воображение Гриффина практически не покидали картины того, как он опрокидывает жену на кровать и срывает с нее одежды. Сознание предлагало с десяток доводов к тому, чтобы овладеть Фиби без промедления, как подобает всякому уважающему себя пирату, однако ее глаза останавливали его. Они были темными от внутреннего напряжения. Фиби, конечно же, не хотелось заваливаться в постель с бесцеремонным и грубым чужаком, нагрянувшим к ней в дом и объявившим себя ее мужем.

Что ж, он может подождать. Впереди у них целая жизнь.

Гриффин хотел заслужить себе место в этом светлом счастливом доме – среди незаконнорожденных детей с их нянями и рядом с этой прекрасной женщиной с ее упрямым подбородком. Не вкрадываться сюда, не вторгаться, а именно заслужить это место.

Он хотел этого... а точнее, хотел Фиби... больше всего на свете.

Глава 9

Его отец, Биддалф Берри, или иначе виконт Монкрифф, обитал в особняке, называвшемся Вулфорд-корт и расположенном примерно в часе езды от дома Фиби. Это имение являлось родовым гнездом семейства Берри на протяжении нескольких поколений, и именно здесь Гриффин родился и вырос.

Покачиваясь, как фарфоровый болванчик в карете – ибо ему становилось дурно от одной только мысли о том, чтобы закинуть ногу в седло, – он обдумывал тот факт, что Фиби, оказывается, не так уж хорошо знала его отца. Похоже, виконт не слишком привечал свою невестку.

Это ничуть не удивляло. Его отец был просто одержим традициями и ритуалами аристократического сословия. У него, наверное, сердце разрывалось при мысли, что ему придется либо продать сыночка купеческой дочке, либо расстаться с родовым имением.

Но к огорчению виконта, его отпрыск предпочел жизнь, в которой титулы не имели особого значения, где человек обретал почет и уважение, используя лишь собственные силы и умственные способности.

С отцом они, мягко говоря, не очень-то ладили. И потому Гриффин не слишком огорчился, когда, очнувшись, обнаружил себя в море на корабле под командованием отъявленного негодяя, известного как капитан Дирк. Приобщение к пиратству стало в какой-то мере возмездием... и, возможно, противоядием против отцовской спеси и тщеславия.

Покинув Англию, Гриффин за многие годы ни разу не написал своему родителю – до того момента, когда до них дошла весть о кончине старого герцога, отца Джеймса. Эта смерть потрясла обоих, но особенно кузена, который осознал, что старик так и умер в неведении – жив его единственный сын или нет? Подобное событие заставляет задуматься.

Однако отец Гриффина был прекрасно осведомлен о здравии и благополучии блудного отпрыска, поскольку своему поверенному пират поручил регулярно извещать об этом семейство. Кроме того, он постоянно посылал домой звонкую монету, благодаря чему его младших сестер не постигла схожая участь – их не пришлось продавать замуж.

Однако когда на Джеймса автоматически перешел герцогский титул, Гриффин подумал, что ему, пожалуй, следует быть в более тесном контакте со своим отцом. И он написал ему письмо, откровенно сообщив, что стал пиратом, хотя на тот момент они с Джеймсом уже числились каперами. Он не видел причин подслащивать горькую правду.

Карета меж тем подкатила к Вулфорд-кورتу. Прием, который Гриффину здесь окажут, вряд ли будет сильно отличаться от того, что он встретил в Арбор-Хаусе.

В своих мечтах его отец всегда воображал себя герцогом. И он, как видно, без раздумий употребил приданое Фиби на то, чтобы потешить свое самолюбие – особняк теперь выглядел весьма впечатляюще, как будто изображать из себя герцога было то же самое, что являться таковым.

В вестибюле Гриффина встретили полдюжины вышколенных лакеев, не считая их прежнего дворецкого, за четырнадцать лет еще больше отточившего свои чопорно-строгие манеры.

– Добрый день, Мирз, – сказал Гриффин, скидывая плащ на услужливые руки старого знакомого. – Как вижу, ты держишься бодрячком.

Глубочайшее чувство собственного достоинства не позволило Мирзу отреагировать на подобный комментарий. Вместо этого он склонил голову в холодно-учтивом приветствии, продемонстрировав макушку своего напудренного парика.

Должно быть, Мирзу было известно о пиратском прошлом Гриффина. А может, ему не понравилась татуировка. Или же он просто был старым напыщенным болваном.

– Добро пожаловать в Англию, сэр Гриффин, – произнес дворецкий. – От лица всей прислуги позвольте выразить наилучшие пожелания в связи с вашим возвращением.

Он выжидающе умолк, однако Гриффин не испытывал желания обмениваться пустыми помпезными фразами.

– Его светлость находится в своем кабинете, – продолжил Мирз. – Если изволите подождать в гостиной, я осведомлюсь, может ли лорд Монкрифф принять вас сейчас.

Он глянул на его татуировку и тотчас отвел глаза. Как жаль, что Акула остался в Арбор-Хаусе – увидев того, дворецкий, возможно, лишился бы чувств.

Вообще можно было бы двинуться напролом прямо в библиотеку и без всяких церемоний поприветствовать отца... Однако Гриффин пребывал не в той форме, чтобы вступать в схватку с Мирзом.

В гостиной бывший пират находился не больше минуты, когда дверь распахнулась. Он повернул голову, ожидая вновь увидеть дворецкого, но на пороге стоял отец.

Виконт заметно постарел. По бокам его рта залегли глубокие складки, волосы поседели, хотя он был все таким же высоким, широкоплечим и казался вполне крепким.

И все же он стал значительно старше.

– Здравствуй, отец, – вымолвил Гриффин, не зная, как себя вести.

Виконт молча направился к сыну, его лицо ничего не выражало. Но приблизившись, он поднял руки и заключил Гриффина в объятия.

– Мой мальчик, – проговорил отец прерывистым голосом. – Ты вернулся... Ты наконец вернулся домой.

Его руки были сильными, и в сознании Гриффина промелькнуло смутное воспоминание о подобном объятии, имевшем место когда-то давно. Хотя как такое возможно? Ведь в детстве он практически не видел родителя, который постоянно находился в Лондоне, заседая в палате лордов.

Гриффин прокашлялся, чувствуя себя крайне неловко. Его правая рука сжимала рукоятку трости, но левая была свободна, и он похлопал отца по спине.

– Да, вот он я, – произнес он как можно бодрее. – Вернулся в отчий дом подобно хрестоматийному блудному сыну.

Отец слегка отстранился, и, к своему изумлению, Гриффин обнаружил, что глаза лорда Монкриффа блестят от слез.

– Я думал, что уже никогда тебя не увижу, – проговорил тот, игнорируя шутку сына. – Мое воображение рисовало тебя погибшим в море... Порубленным на куски или утонувшим во время шторма.

– Опасных моментов было, конечно, немало, – признал Гриффин, – но я тем не менее здесь.

Отец прикоснулся к его татуировке.

– Отличительный знак твоего ремесла?

– Нет, просто мой корабль назывался «Летучий Мак». – Гриффин немного поколебался, затем сказал: – Отец, мне нужно присесть.

Лорд Монкрифф отпрянул назад.

– Ты ранен? Ты потерял ногу?

Усмехнувшись, Гриффин проковылял к дивану.

– Моя жена предположила то же самое. Но нет, я избежал такого приобретения, как деревянная конечность. У меня просто рана, которая медленно заживает.

– Если бы у тебя не было ноги, ты мог бы изготовить замену из чистого золота, – сказал отец, присаживаясь напротив. – Мистер Петтигру, согласно твоим указаниям, регулярно представлял мне отчет о состоянии твоих дел. Судя по всему, на морских просторах собираются неплохие урожаи.

– А он сообщил, что нам с Джеймсом предоставлена королевская амнистия?

– Должен сказать, что принц-регент оказал мне честь, уведомив об этом самолично, – многозначительно улыбнулся отец.

Вообще Гриффин полагал, что монаршее прощение было ниспослано лишь благодаря тому внушительному рубину, но похоже, что и виконт Монкрифф мог приложить к этому руку.

– Сегодня утром я получил несколько писем, в которых сообщается о весьма эффектном появлении герцога Ашбрука в палате лордов, – продолжил меж тем отец.

Гриффин кивнул. В данный момент он испытывал что-то вроде головокружения. Четырнадцать лет назад он был юнцом, вынужденным жениться на купеческой дочке, которую никогда не видел во плоти. Он был возмущен и испытывал отчуждение к отцу, ему хотелось взбунтоваться. А теперь тот же самый отец обнаружил чувство юмора, о котором Гриффин даже не подозревал.

Как все поменялось...

– Я хотел бы принести свои извинения, сынок, – проговорил виконт. – Если бы я знал, какое отвращение ты испытывал к этому браку, то не стал бы тебя принуждать. Я был просто разбит, когда ты бежал из страны.

– Я исчез вовсе не из-за этого брака, – бросил Гриффин.

Но отец как будто не слышал.

– Прежде чем согласиться, я очень тщательно обдумал тот вариант. Да, твоя жена из купеческого сословия... Но она была красива, послушна, обучена всему, что необходимо для семейной жизни. Я искренне полагал, что она станет для тебя превосходной супругой.

Гриффин кивнул и хотел сказать что-то в ответ, но отец продолжал как по накатанной:

– Теперь, конечно, имеются дети...

Гриффин ожидал от отца более бурной реакции на то обстоятельство, что титул виконта может унаследовать чей-то бастард.

– Мое знакомство с ними самое поверхностное, – вроде как извинялся тот. – Появление этих детей было представлено как свершившийся факт.

– Понимаю, – произнес Гриффин.

Отец подался вперед.

– Я не думал, что ты когда-либо вернешься. Как я мог порицать леди Берри за этих детей? Это было бы жестоко.

– Понимаю, – повторил Гриффин.

Хотя в действительности не очень-то понимал, как отец может примириться с тем, что его титул унаследует чужая кровь. Ведь виконт постоянно трубил о древности их рода и выдающихся свершениях предков. Гриффина просто воротило от одного упоминания о самом первом виконте МонкриFFE, отвратительном животном, пресмыкавшемся у ног короля Якова. И скорее всего предок получил свой титул в качестве непосредственной платы за оказываемые монарху услуги интимного характера. Отец всегда возражал против такого предположения, хотя у них в доме хранилось написанное Яковом письмо неприличного содержания, которое лишь подтверждало эту версию.

– Я должен вернуться домой к ужину, – несколько не к месту сказал Гриффин.

Теперь он находил себя подобным человеку, пристрастившемуся к алкоголю: тот желал испробовать содержимое бутылки так же, как Гриффин хотел увидеть Фиби, чтобы скорее уговорить ее отправиться с ним в постель. Но даже если этого не случится сегодняшней ночью, он будет рад хотя бы поцеловать ее – впервые с момента их венчания.

Лицо отца погрузнело, морщины стали заметнее.

– Да, конечно...

– Поедем со мной, – предложил Гриффин. – Насколько могу судить, там предостаточно комнат. Кто-нибудь из моих сестер дома?

– Нет, теперь они живут с собственными семьями. Твоя младшая сестра вышла замуж два года назад. Они будут очень рады, когда узнают, что ты вернулся.

Гриффин не слишком в это верил, но предпочел не высказывать свои сомнения. Вряд ли какое-либо семейство обрадуется возвращению домой пиратствующего родственника. Его отец скорее исключение.

– Значит, ты живешь здесь один?

Отец улыбнулся.

– Как ты уже, наверное, убедился, я содержу полный штат прислуги. Кроме того, у меня здесь постоянно находится пара секретарей, поскольку сейчас я работаю над новым законопроектом, который представлю в палате лордов во время очередной сессии.

– Ну и брось их всех, – сказал Гриффин. – Поедем в Арбор-Хаус и посмотрим, что у Фиби сегодня на ужин.

– Посмотрим, что у Фиби сегодня на ужин? – с некоторым изумлением переспросил виконт. Подобная реакция была весьма показательной.

Гриффин поднялся на ноги. Он не собирался придерживаться глупой помпезности, присущей аристократической жизни, и не сомневался, что в этом отношении Фиби будет с ним согласна.

– Мне хочется быть рядом с женой. Первой и единственной, с которой был знаком всего лишь день. Сегодня я едва отговорил ее от намерения расторгнуть наш брак.

– Это было бы крайне нежелательно. – В голосе отца послышался испуг.

– Поэтому поехали со мной, – повторил Гриффин. – Возможно, мне потребуется твоя помощь. Я понятия не имею, как вести светский разговор. Как понимаешь, на борту «Летучего Мака» мы не практиковали подобных бесед.

– Даже представить себе не могу. – Поднявшись, отец дернул за шнур звонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.